

Амса Тордеева

Филфак

Он ворвался
в ее жизнь, похожий
на потерянного котенка,
не помнящий о себе
ничего...

ПОБЕДИТЕЛЬ
КОНКУРСА
НА САЙТЕ
BOOKRIVER.RU

Живи легко

Алиса Гордеева

Филфак

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гордеева А.

Филфак / А. Гордеева — «Издательство АСТ», 2023 — (Живи легко)

ISBN 978-5-17-158075-9

Он избалованный жизнью мажор. Она обычная студентка филфака. Он вернулся из Лондона буквально на день, чтобы поздравить брата и любимую девушку со свадьбой. Она нашла его без сознания и не смогла пройти мимо. Уже завтра он ничего не вспомнит, а она не сумеет забыть... Он ворвался в ее жизнь с первыми каплями дождя. Странный, потерянный и всеми забытый. Ей бы пройти мимо, но что-то в его грустной улыбке заставило ее задержаться.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158075-9

© Гордеева А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1. Ночная бабочка	6
Глава 2. Пирожки	9
Глава 3. «Партийное задание»	13
Глава 4. Обнуление	16
Глава 5. Перевернутое имя	19
Глава 6. Кеды, тазик и пельмени	25
Глава 7. Далекие звезды	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алиса Гордеева

Филфак

© Сапегина А., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава 1. Ночная бабочка

Фил

– Горько! Горько!

– Раз! Два! Три!..

Бросаю последний взгляд на молодых и ухожу. Хватит! Я не рассчитал своих сил, приехав на свадьбу Яна. Наивно полагал, что все прошло! Надеялся, что отпустило!

Полгода на туманном Альбионе пытался забыть, выкинуть из головы ту, что сегодня, не задумываясь, ответила «да» моему брату.

Новый универ, безбашенные друзья, квартира с видом на Темзу, самые вкусные девочки под боком – казалось бы, живи да радуйся! Вот только сердце до сих пор тоскливо щемит, когда вижу на безымянном пальчике Даянки обручальное кольцо, а в глазах любовь – неземную, необъятную, несокрушимую и, увы, не ко мне.

Не в силах отойти друг от друга даже на метр, новобрачные трепетно держатся за руки и не видят никого вокруг. Окрыленные, до беспамятства влюбленные, они выгрызли у судьбы свое право на счастье и этот день заслужили, как никто другой. А мне пора. Здесь, среди шумных гостей и беспрестанных «Горько!», я третий лишний.

Ухожу по-английски, пока молодые продолжают утопать в сладости своих поцелуев. Шаги – как в тумане, в голове – пустота. Полной грудью вдыхаю вечерний августовский воздух, пропитанный дождем и моей печалью, а затем ныряю в салон арендованного спорткара, брошенного на ближайшей парковке у входа в ресторан. Как знал, что не задержусь!

Сжимаю в ладони мобильный и никак не подберу нужных слов для Шаха – так, чтобы вышло кратко и без обид. Знаю, что брат скучал, да и Даяна тоже, но сейчас видеть их – выше моих сил. Потому наспех пишу, что улетаю обратно ближайшим рейсом, а еще прошу дать мне месяц тишины. Шахов поймет, не дурак!

Завожу мотор и впервые давлю на газ до упора. Сегодня мне нужна скорость! Долбанный адреналин! Я хочу забыться, я обязан выбросить из памяти ту, которая никогда уже не станет моей! Но ни черта не выходит...

Сотни километров незаметно остаются позади. Серая трасса, безымянные поселки, небольшие города... Но сколько бы я ни пытался от себя убежать, в голове все тот же винегрет из обрывков воспоминаний, разодранных в клочья чувств и образа моей Даянки. Нет, теперь уже точно не моей...

Не замечаю скорости и пролетающих по встречке авто. Не обращаю внимания на мобильник, валяющийся на пассажирском сиденье и робко сигнализирующий о входящем звонке. Никогда бы не подумал, что чужое счастье может такой болью отзываться в груди.

И все же я торможу.

Дурацкий спорткар жрет слишком много горючего, вынуждая меня остановиться на первой попавшейся заправке. Пока топливо медленно заполняет бак, лениво разминаю шею и осматриваюсь. Ничего особенного: грязь, дрожащий свет покосившихся от времени фонарей да пара не самых новых представителей отечественного автопрома на обочине. Черное небо усыпано звездами, а воздух наполнен ароматами трав и стрекотанием кузнечиков. Похоже, занесло меня в самую что ни на есть глухомань!

– Простите! – раздается за спиной тонкий девичий голосок.

Возвращаю на место заправочный пистолет и нехотя оборачиваюсь. Чуть поодаль замечаю невысокую миловидную брюнетку в короткой юбочке и завязанной на талии фланелевой

рубашке. Девушка неловко переступает с ноги на ногу и закусывает губки – по всему видно, что волнуется. Еще бы, одна посреди ночи, да в таком откровенном прикиде!

– Слушаю? – киваю незнакомке, а сам не могу отвести от нее взгляда: выразительные глаза вкупе с тонкими чертами лица и копной каштановых волос снова и снова с головой окунают меня в воспоминания о Даяне. Девчонка напротив – ее неудачная копия, дешевая подделка.

– Вы мне не поможете? – Девушка несмело подходит ближе, накручивая на пальчик прядь шелковистых волос. – У меня что-то стучит.

– Где?

Автомеханик из меня никудышный, но бросить в беде одинокую даму как-то совсем не по-мужски.

– Под капотом, – выдыхает девушка, аппетитно сложив губки бантиком. – Не посмотрите?

Мне бы задуматься, что делает полураздетая барышня ночью на забытой богом заправке, да только мозги лужицей растеклись под ногами, уступив место инстинктам.

Как зомби иду за ней следом к ржавой развалюхе – ровеснице моего деда – и со знанием дела лезу под капот. Что там может стучать? Все! Здесь намного уместней вопрос: как «это» вообще заводится?

– Это машина отца, – поясняет незнакомка. – Думала, что немного покатаюсь, пока папа спит, и незаметно верну тачку, а оно вот как все обернулось. Заехала к черту на кулички, продрогла и не знаю, как теперь вернуться домой. Стою здесь, будто ночная бабочка, без денег и телефона. Как хорошо, что судьба столкнула меня с вами!

– Саша, – зачем-то представляюсь я и, оторвавшись от созерцания замасленного двигателя, снова смотрю на девчонку. Сколько ей? Восемнадцать? Двадцать пять? Под слоем косметики с ходу и не разберешь. Где-то на подкорке сознания мелькает мысль, что для примерной дочери она слишком ярко и вызывающе накрашена, да и одета тоже, но, вновь улавливая в ее внешности дорогие черты, гоню подозрения прочь.

– Виолетта, – расплывается в улыбке незнакомка, обнажая два ряда идеально ровных белоснежных зубов, которые, к слову, звонко отбивают чечетку от холода. Уже через несколько дней – осень, и ночи давно не согревают теплом.

– Замерзла?

– Очень, – робко опустив взгляд, признается копия Даяны, обхватив себя за плечи. – Ну что там с машиной? Починить сможете?

– Виолетта, я не силен в ремонте авто, – отвечаю честно и развожу руками. – Предлагаю позвонить отцу и во всем сознаться.

– Да это и так понятно, – стреляет изумрудами глаз девица, продолжая неистово дрожать. – Я уже пыталась. Забегала погреться на заправку и просила дать мне позвонить. Только, видимо, мобильный у отца разрядился, или папа так крепко спит, что ничего не слышит. Наверное, придется мне здесь умереть от холода и страха.

Потираю переносицу и ухмыляюсь. Вот хитрюга! Знает, как надавить на жалость!

– Далеко отсюда твой дом? – Малодушно уехать, бросив ее здесь одну на растерзание волкам и лихим дальнобойщикам, не позволяет совесть. – А то давай подброшу?

– Километров пять-шесть, – пожимает плечами Виолетта, сильнее ежась от холода. – В Заречном.

– Поехали! – киваю ей и неспешно направляюсь обратно к спорткару.

– Александр, постойте! – пищит она и бежит следом. – Мне безумно неловко, но, если вы сможете купить чашку чая или кофе, чтобы я могла согреться, буду признательна.

– Ладно, пошли! – угрюмо хмыкаю и сворачиваю в сторону от своей тачки.

Небольшая забегаловка с громким названием «Кофейня от шефа» не внушает доверия. Грязная, неопрятная, насквозь пропитанная запахами горелого масла и хлорки, она откровенно намекает, что посетителям здесь не особо рады. И все же мы с Виолеттой занимаем единственный столик у окна и, брезгливо озираясь, ждем, когда на нас обратят внимание.

– Что вам? – Спустя, наверное, вечность возле прилавка с заветренной выпечкой появляется дама дородной внешности в засаленном переднике.

– Два американо! – спешит с ответом Виолетта, а я не спорю, хоть и не собираюсь в этом месте ничего пить и есть.

Пока мы ожидаем заказ, моя новая знакомая потирает ладони в попытках согреться и без умолку трещит. Ей интересно все: кто я, откуда и куда еду, чем занимаюсь и почему путешествую один. Немного осмелев, она начинает откровенно заигрывать со мной, наивно рассчитывая на что-то большее, чем просто кофе.

В мерцании люминесцентных ламп мне удастся рассмотреть Виолетту чуть лучше: дешевая косметика, морщинки в уголках пустых глаз, пошлые ужимки. На смену запуганной девчонке, заблудившейся в темноте, неожиданно приходит ушлая, прожженная девица, готовая на все ради наживы. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: Виолетта на работе, а я – ее лопоухий клиент.

Погруженный в свои мысли, не сразу замечаю, как на столе появляются одноразовые стаканчики с кофе – вонючим, дешевым и до жути горячим. Но Виолетту сей факт ни капли не смущает. Прильнув носом к исходящему от напитка пару, она жадно вдыхает кислый кофейный аромат и благодарно улыбается, а после вожаделенно проводит острым каблучком вдоль моей ноги под столом.

От неожиданности вскакиваю и под глупым предлогом отправляюсь на поиски уборной: как бы сильно Виолетта внешне ни походила на Даяну, я не настолько пал, чтобы искать утешения в объятиях продажной девки. Стоит ли говорить, что санузел в этом месте смахивает на убежище бомжей? Так и не отважившись в него зайти, я возвращаюсь к нашему столику и, дабы перебить туалетное амбре, залпом выпиваю американо, гадкий, приторно-сладкий, с отвратительным послевкусием. Виолетта довольно улыбается и зазывно проводит кончиком языка по губам. Черт, во что я вляпался? Долбаный добряк! Хватаю со стола ключи от тачки и, сославшись на неожиданно возникшие дела, спешу на улицу. Но, увы, так и не успеваю дойти до спорткара: невыносимая тошнота, внезапно подобравшаяся к горлу, сменяется диким ознобом и жгучей болью в животе. Все вокруг летит и кружится, а ноги, будто ватные, предательски подгибаются под весом тела. В ужасе пытаюсь позвать на помощь, но совершенно не слышу своего голоса, а после и вовсе проваливаюсь в непроглядную темноту, лишенную звуков, запахов и разрушающих мыслей о свадьбе брата.

Глава 2. Пирожки

Аня

– Анька, негодница!

Тишину предрассветного часа нарушают недовольный голос бабы Маши и жалобный скрип половиц, разбавляемый шарканьем тапочек.

– Снова убегаешь ни свет ни заря? – продолжает ворчать старушка, размеренными шагами подходя все ближе. – И опять, небось, не позавтракала? Да?

– Ба, ну какой завтрак?! До рассвета считанные минуты! – Застигнутая врасплох, бросаю у порога рюкзак и разочарованно плетусь обратно: попытка улизнуть из дома незамеченной в очередной раз провалилась. Неужели бабушка не понимает, что мои деревенские каникулы на исходе? Когда, как не сейчас, наплевав на утреннюю дрему, сломя голову нестись босиком по сырой траве навстречу новому дню? Первые лучи солнца, осязаемыми нитями пронизывающие все вокруг, таинственные туманы, бусинки росы на прозрачной паутине – в мире нет ничего прекрасней зарождающегося утра!

– Сумасбродная девчонка! И что тебе не спится?! – причитает бабуля, деловито качая головой. Пряди ее длинных седых волос слегка выбились из косы, а наспех накиннутый поверх ночной сорочки халат практически волочится по дощатому полу. Это я в свои двадцать еще расту ввысь, а бабуля, давно разменяв седьмой десяток, с каждым днем становится все миниатюрнее.

– Хорошая моя! – Беру морщинистые, но такие нежные, теплые ладони старушки в свои и, слегка сжав их, не могу сдержать эмоции:

– Ба, ты же знаешь, как я люблю рассветы! Каждое утро по-своему прекрасно, каждый восход солнца неповторим! Разве могу я преспокойно дрыхнуть, когда за окном такая красота?!

– Красота! – сварливо повторяет баба Маша. – Отцу рассказывай про сию красоту! А я-то уж поди знаю, куда, а точнее, к кому тебя так срывает по утрам.

– Ба! – Обнимаю роднульку за плечи и крепко целую в щеку.

– Ну что «ба»? – Бабушкино сердечко постепенно оттаивает. – Я же не ругаюсь, Нюра. Понимаю, что возраст у тебя такой бестолковый, когда шило в одном месте так и зудит! Только вот ты мне, старой, скажи: нужна ли своему Артурчику будешь хилая да больная?

– Нормально со мной все, бабуль!

– А ты еще пару недель на пустой желудок да невыспавшаяся-то поубегай из дома, так, глядишь, и свалишься где в голодный обморок, типун мне на язык! – Бабушка взмахивает руками и медленно бредет на кухню. – Съешь хоть пирожок, Нюр! Для тебя ж вчера весь вечер пекла. Да и богатырю своему возьми – угостишь.

– А с чем пирожки? С луком? – Отказаться от бабушкиной выпечки может разве что идиот, ну, или язвенник какой, а я напрочь забываю об идеальной фигуре, стоит чарующему аромату сдобы коснуться носа.

– Да прямо «с луком»! – хитро улыбается бабуля и аккуратно стягивает белоснежную ткань с огромной горы румяных пирожков. – Можно подумать, я молодой не была – не знаю, что миловаться с красавчиком своим будешь? С рисом и яйцом напекла. Давай за стол, дочка!

– Ладно, твоя взяла! – Достаяю с полки две кружки, а из холодильника – молоко. Завтрак, так завтрак!

Во двор я выбегаю с третьими петухами. Выкатив из сарая старый дедушкин «Урал», закидываю за плечи рюкзак, доверху набитый бабушкиными пирожками, и, поправив бейсболку, что есть мочи несусь по проселочной дороге. Солнце масляным блином уже вовсю красуется у линии горизонта, а уставший меня ждать Артур – у повалившегося забора на окраине Заречного. Засунув руки в карманы спортивных штанов, он делает вид, что увлечен созерцанием плывущих вдалеке сизых туч, а меня совершенно не замечает. Дуется! Точно!

Бросив свою развалюху рядом с навороченным спортивным велосипедом, подбегаю ближе к парню и кончиками пальцев скольжу по его немного колючей щеке.

– Привет! – шепчу тихо и оставляю на обиженно надутых губах легкий поцелуй. – Давно ждешь?

Царев с шумом выдыхает: делать и дальше вид, что меня рядом нет, глупо.

– Что на этот раз, Ань? – Словно нехотя он притягивает меня в объятия, продолжая изображать из себя оскорбленного. – Опять дед на рыбалку утащил? Или свинья опоросилась? А? А может, я банально тебе надоел? Признайся уже!

– Дурак ты, Артурчик! – Утыкаюсь кончиком носа в нежную впадинку на его шее. – Просто бабуля пирожков напекла и не отпустила из дома, пока я не поем.

– Пирожков? – морщит нос Артур. Ну конечно, лучший студент спортфака и ярый приверженец здорового питания, Царев такую ерунду не ест. – Это ж сплошные углеводы, Ань! Сколько тебе повторять?!

– Не бери в голову. – Отхожу от него на шаг назад, чтобы аромат выпечки ненароком не просочился из рюкзака к его носу: только часовой лекции о вреде пирожков мне не хватало. – Поехали к реке?

Артур кивает и, взяв меня за руку, тащит к брошенным великам.

– Все лето на этой ржавой колыхаге прокаталась! – брезгливо бурчит Царев, поднимая с земли мой «Урал». – Прошлый век, честное слово! Почему не попросишь отца привезти тебе нормальный велик?

– У папы дела, – оправдываюсь, пожимая плечами. – Да и через неделю уже в город возвращаться – какой смысл?

– Глупая ты, Анька! – усмехается Артур. Он, как и я, понимает, какие дела у моего отца в городе, но деликатно молчит. – Ладно! Давай наперегонки до моста?

– Давай, – соглашаюсь, заведомо принимая поражение: дедушкин «Урал» для спринтерских заездов не годится точно.

Впрочем, Артуру все равно. Оседлав своего железного коня, он уже через пару минут исчезает из поля зрения, оставляя меня наслаждаться пением птиц и нежностью солнечных лучей в одиночестве.

С Артуром Царевым мы знакомы с детства. Наши отцы росли по соседству в этом самом поселке. Внешне похожие, как братья, они и в жизни были неразлейвода: сидели вместе за партой, в армии служили в одной роте, а как вернулись, оба поступили на строительный и в один год женились. Правда невест выбрали абсолютно разных – как внешне, так и по социальному статусу. Мой отец предпочел любовь, а папа Артура – безбедное будущее. Вот и сейчас семья Царевых ни в чем не знает нужды, а мы... А мы с папой остались вдвоем: как оказалось, одной любви для счастливой жизни слишком мало. Этой зимой мама подала на развод и переехала в столицу к новому богатому мужу, бросив нас с отцом на произвол судьбы. И если я смогла ее отпустить, в надежде, что та станет по-настоящему счастливой, то отец так и не смирился. Начинать жизнь с нуля, когда тебе давно за сорок, непросто. Вот и он не сдюжил, с головой погружившись в затяжную депрессию.

В комфортном для себя темпе кручу педали, полоротом осматриваясь по сторонам. Заречное с его горластыми петухами давно осталось за спиной. Лесная просека, что ведет к реке,

пронизана солнечным светом, как паутиной, и насквозь пропитана смолистым ароматом хвои. И куда Царев так спешит, пролетая на бешеной скорости всю красоту?

Останавливаюсь на развилке возле старой раскидистой сосны и по привычке выглядываю на пушистых ветках шустрых белок: угощать рыжих вертихвосток семечками да морковкой давно стало моей любимой традицией. Правда сегодня за спиной – пирожки, безжалостно отвергнутые Артуром. Копаясь в рюкзаке, медленно обхожу могучий ствол дерева и мурлычу под нос песенку, пока не спотыкаюсь обо что-то мягкое и тяжелое. Взвизгнув, падаю на землю, в кровь ободрав коленки о выпирающие корни и старые ветки. Ругаю себя за невнимательность и, отряхивая от хвои ладони, встаю. С сожалением замечаю, что вылетевшие из рюкзака пирожки рассыпаны по опушке и теперь без вариантов являются собственностью белок. А после разворачиваюсь, чтобы взглянуть на причину своего падения, и снова опускаюсь на землю, теперь от животного страха! Там, за сосной, в окружении крапивы и лопухов в неестественной позе лежит парень в перепачканной одежде. Красивый, как ангел, но, похоже, неживой.

Мой истошный крик заглушается внезапным раскатом грома, а непрошенные слезы смешиваются на щеках с мелкими каплями дождя. Прикрываю ладонью рот и несмело подползаю ближе, жадно рассматривая незнакомца. В его волосах цвета спелой пшеницы запутались травинки и длинные иголки хвои. Некогда белоснежная рубашка заляпана грязью и небрежно выбилась из черных брюк, оголяя накачанный пресс. Приглядываюсь к груди незнакомца – хочу верить, что тот просто спит, но признаков жизни не нахожу. Тогда, пересилив страх, беру несчастного за запястье и пытаюсь нащупать пульс, но сумасшедшее биение собственного сердца не позволяет уловить его.

– Аня! – подобно раскату грома разносится по лесу голос Царева. – Ты где? Дождь начался!

Открываю рот, чтобы ответить, но не могу выдавить из себя ничего, кроме удушливого хрипа. Смахиваю с лица слезливо-дождевую влагу и тянусь к шее парня. Дрожащими пальцами пытаюсь ослабить галстук и расстегнуть воротник сорочки, а после неуверенно хлопаю блондина по щекам.

– Эй, ты живой?

– Ты больная – жмурика трогать?

Глухой баритон Артура за спиной раздается настолько неожиданно, что я отскакиваю от незнакомца как ошпаренная.

– Кого трогать? – отвечаю дрожащим голосом, отчаянно покрываясь мурашками: никогда раньше я не видела мертвых людей.

– Забуддыга какой-то! – кипятится Царев. – А ты, Анька, ручонками к нему лезешь! Хочешь, чтоб менты его на тебя повесили?

– На меня?! Повесили?! Что?! – ошарашенно мотаю головой, с ужасом начиная понимать, к чему клонит Артур. – погоди! Ты думаешь, его убили? А если он живой?

– Живой? – Нахмутив брови, Царев подходит ближе и небрежно поддевает тело парня ногой. – Это вряд ли! – А потом грубо хватает меня под локоть и с силой тащит к дороге.

– Валить отсюда надо!

Артур поднимает с обочины залитый дождем «Урал» и, поджав губы, ждет, когда я перехвачу велосипед в свои руки.

– Так нельзя, Артур! – шарахаюсь от парня как от прокаженного. – Там человек. Ему плохо.

– Ему уже все равно! – скалится Царев.

– А вдруг еще не поздно помочь? – Наплевав на предостережения Артура, снова спешу к сосне и лежащему под ней парню.

– Дура! – шипит мне на ухо Царев, не позволяя приблизиться к несчастному. Артур перехватывает меня в кольцо своих накачанных рук и, оторвав от земли, тащит обратно. – Думаешь, местный участковый разбираться будет? Пойдешь как соучастница преступления.

Брыкаюсь в его лапах, хоть и знаю, что бесполезно: силы изначально неравны!

– Сейчас ты отключаешь свою сердобольность и как ни в чем не бывало едешь к бабке, а это все забываешь как страшный сон. Поняла? – не замечает моих потуг Царев.

– Артурчик, милый, давай хотя бы «Скорую» вызовем! Ну вдруг?

– А давай ее вызовем не мы! – сердится Царев, наконец опуская меня на ноги, и взбешенно проводит рукой по голове, сминая упругий ежик черных волос. – Господи, Анька, зачем тебе чужие проблемы?! Своих мало?!

– А если бы на его месте оказался ты? – обнимаю себя за плечи, не собираясь сдаваться и уезжать.

– Если бы да кабы! – перебивает меня Артур. – Поехали отсюда быстрее, пока никто нас тут не увидел!

– Я не могу!

– Румянцева, хватит! – Царев взмахивает руками и царапает меня свирепым взглядом. – Валим, я сказал!

Артур никогда не был трусом, но сейчас испугался конкретно: глаза расширены, дыхание сбито. Не в силах устоять на месте, Царев мечется туда-сюда, хаотично сжимая кулаки, а я верчу головой, умоляя Всевышнего послать хоть какой-нибудь знак.

– Дьявол! Анька! – вопит Артур. – Это что?! Пирожки?! Баб-Машины?!

Царев подбегает к сосне и начинает остервенело раскидывать по кустам румяную выпечку, вывалившуюся из рюкзака. Вот он, знак! Мы должны остаться!

Подбегаю к Артуру и, обняв того за плечи, щекой прислоняюсь к его спине.

– Давай вызовем «Скорую». Я дождусь врачей одна, сама же дам показания, если будет нужно. Нам с тобой нечего бояться, а вот ему, – киваю в сторону неподвижно лежащего под дождем парня, – ему, должно быть, сейчас очень страшно.

– Ладно, – кивает Царев и достает мобильный.

Бригада «Скорой помощи» находит нас примерно через час. Долгий, наполненный неизвестностью, пением птиц и недовольными причитаниями Артура.

«Да не трогай ты его, Анька!»

«Господи, где же эта “Скорая”?!»

«Ну, Румянцева, готовься домой к обеду в лучшем случае попасть».

«Аня, отойди от парня!»

Мне так хотелось, чтобы Царев замолчал хотя бы на минуту, но попытка ворчанием завершается лишь с приездом медиков.

Белые халаты. Дежурные вопросы. И только одно слово – «жив», вернувшее к жизни и меня.

Как и пророчил Артур, в поселок мы возвращаемся к полудню, искусанные мошкаррой, голодные и до чертиков уставшие, а еще взглянувшие друг на друга новыми глазами. Недаром говорят, что друзья познаются в беде. Мой друг проверку прошел на «троечку».

Глава 3. «Партийное задание»

Аня

– Румянцева! Аня!

Не успеваю зайти в аудиторию, как староста нашей группы, Лариса, дергает меня за рукав и без всяких «здрасте» ставит перед фактом:

– Мы решили, что в студком от нашей группы направим тебя. Распишись вот здесь.

Лариса сует мне авторучку и машет перед носом какими-то бумагами. Стоит ли говорить, что первый учебный день на третьем курсе филфака я представляла себе немного иначе?

– Профком знаю, а студком...

– До профкома ты, Румянцева, не доросла! Расписывайся, где галочка!

Спорить с Ларой – себе дороже, а потому беру авторучку, однако, прежде чем оставить автограф, пытаюсь вникнуть в текст документа. Но то ли оттого, что бумаги в руках Ларисы постоянно дергаются, то ли по причине еще не перестроившихся на учебный лад мозгов я совершенно не понимаю, к чему меня так бесцеремонно подталкивают.

– И что мне придется делать?

– Все просто, Аня: будешь отстаивать права студентов, обитающих в общежитии, и биться за улучшение условий их жизни.

– Я?! – Авторучка с шумом приземляется на пол и услужливо укатывается под кафедру. – Я же никогда не жила в общежитии!

– Я так и знала, что ты опять в позу встанешь! – ехидно подмечает Лариса и достает запасную авторучку. – Никто от тебя ничего и не ждет, Румянцева! Раз в месяц будешь посещать собрание студкома и голосовать за решение большинства.

– Бред какой-то! – бурчу под нос, не осмеливаясь коснуться чернилами белого листа.

– Румянцева, от тебя убудет? Нет! Давай уже закончим на этом! А то отправлю посвящение для первокурсников организовывать или казначеем поставлю. Хочешь?

– Нет. – Поднимаю ладони вверх, намекая, что сдаюсь. – Давай свои собрания!

И, наспех чиркнув авторучкой в отведенном месте, бегу к девчонкам на галерку: за лето накопилась тьма гораздо более интересных тем для разговоров, нежели студком местного общежития.

– Румянцева, первое собрание уже в среду! Не подведи! – кричит мне в спину Лариса, но тут же переключает свое внимание на зашедшую в аудиторию загоревшую и похорошевшую Иванову. – Света! Иванова! Задержись!

Атмосфера учебы поглощает моментально. Суeta коротких перемен сменяется размеренными лекциями, а смех подруг – недолгими встречами с Артуром. Это в Заречном мы жили с Царевым на соседних улицах, а, вернувшись в город, разъехались по разным сторонам: я – к отцу на окраину, а он – в центр, в «двушку», купленную специально для него родителями.

– Переезжай ко мне, а? – мартовским котом мурлычет на ухо Царев, нежно сжимая мою ладонь.

Вместо того чтобы гулять где-нибудь по парку, наслаждаясь последними теплыми денечками, мы вынуждены сидеть в актовом зале, слушая монотонную речь очкарика-аспиранта, с важным видом вещающего о выкрашенных за лето стенах в общежитии.

– Тш-ш! – изображаю, что увлечена выступлением паренька. Разговоры о переезде меня немало смущают, да и в свете последних событий я вообще не уверена, что все еще хочу связать свою жизнь с Царевым.

– Ты обещала подумать, Ань. – Горячее дыхание Артура щекочет щеку. Он как чувствовал, что нам будет не до обсуждения общажных проблем, и уговорил занять самый дальний ряд кресел.

– Я еще думаю, – шепчу в ответ, но мои слова тонут в жидких аплодисментах завершившему свое выступление оратору.

– Спасибо, Михаил! – Слово берет председатель совета общежития – симпатичный парень с копной рыжих волос. – И последнее на сегодня, что хотелось бы обсудить...

– Ты думаешь уже полгода, Ань, – разочарованно вздыхает Царев, переключая мое внимание на себя. – Сколько можно?!

– Особое беспокойство у меня вызывает студент первого курса филологического факультета, – продолжает монотонно зачитывать рыжий, – Илья Соколов.

– Артур, это слишком серьезный шаг! – говорю я растерянно. Понимаю, что скажи я Цареву правду, в наших отношениях придется ставить жирную точку. А что дальше?

В нашем небольшом городке, где все друг друга, так или иначе, знают, Артур считается лакомым кусочком.

«Красивый, не дурак, из хорошей семьи и с отличными перспективами, а главное – без ума от тебя. Что еще надо, дочка?» – неустанно повторяет отец, когда я пытаюсь поделиться с ним своими сомнениями. Даже историю с тем бедолагой под сосной любимый предок обернул в пользу Царева.

«Нюра, глупышка, Артур просто испугался за тебя и пытался уберечь! Мало ли что! Это хорошо, что тот парень жив оказался. А если бы нет?»

– А у нас с тобой, значит, несерьезно?! – взрывается Царев, выдергивая меня из пучины размышлений. Потом невесело хмыкает, отпускает мою руку и обиженно откидывается на спинку кресла.

– Сегодня уже среда. – И снова в наш разговор врывается нудный голос председателя студкома. – А Соколов так и не явился на учебу. Но это полбеды! Разбираться с его успеваемостью – не наша забота! А вот тот факт, что за ним числится комната в северном крыле, которой он не пользуется, вызывает вопросы!

– Seriously! – сама тянусь к Артуру, в душе проклиная ненавистный совет и свою нерешительность. – У нас с тобой все серьезно!

– Это только слова, Анька! – ерепенится Царев. – Сколько мы уже вместе? Второй год? А ты меня все завтраками кормишь!

– Артур. – Упираюсь лбом в его плечо, не переживая, как выгляжу со стороны, и в срочном порядке придумываю себе оправдание.

Между тем в зале продолжается обсуждение некоего Соколова, но обрывки чужих фраз благополучно пролетают мимо моих ушей.

– Получается, место в общежитии занимает, а на учебу не ходит?

– Во, наглые перваки пошли! Небось еще и на бюджетное место поступил?

– А то! Он же из глухой деревни, по направлению к нам.

– Слушайте, а парня вообще спросили? Может, у него душа к медицине лежит, а его в филологи засунули!

– Тишина! – Председатель стучит авторучкой по столу. – Давайте ближе к делу! Кто возьмется образумить нерадивого первокурсника и уберечь его от неминуемого отчисления?

– Ну так пусть с ним филологи и разбираются.

– Согласен! Голосуем? Кто «за»?

– Чего молчишь, Анька? – глухо усмехается Артур, совершенно не вникая в дебаты по поводу Соколова. – Сомневаешься? Не любишь меня, да?

Еще бы я знала ответ! Да и как я должна понять, что это и есть любовь, если сравнивать мне не с чем? Да, нам вместе весело и комфортно, за спиной притаились годы крепкой дружбы

и даже почти два года далеко не дружеских отношений. Сказать, что я не люблю Царева – соврать! Но та ли это любовь? Почему в животе не порхают «бабочки», а сердце не изнывает без него от тоски по ночам? Не совершу ли я ошибку, уступив напору Артура?

– Эй, там! Последний ряд! Вы «за» или «против»?

Командный голос рыжего так вовремя дарует мне мимолетную передышку. Вспоминаю указания Лары и уверенно заявляю:

– В этом вопросе я поддерживаю большинство.

– Значит, единогласно! – громыкает главварь студкома и неожиданно спрашивает: – Анна Румянцева здесь?

– Это я. – Поднимаюсь с места, краем глаза замечая разочарованный взгляд Царева: он так и не дождался моего ответа.

– Берешь на себя студента Соколова! – чеканит председатель.

– В каком смысле?

– В прямом! Найдешь пропажу, профилактическую беседу проведешь, а не исправится – у нас очередь из желающих занять его место. Все ясно?

– Нет, – непонимающе мотаю головой, игнорируя волну смешков, резво пробежавшую по рядам. – Почему я?

– Ты с филфака, – смеется рыжий. – Этого достаточно. Вот тут его адрес, телефон. Держи. – Он протягивает мне картонную папку с личным делом Соколова. – Как найдешь тунеядца – отчитаешься!

Продолжая пребывать в прострации, на автомате подхожу за папкой и, сжав ее в руках, возвращаюсь к Артуру.

– Вечно ты влипаешь куда-то, Ань! – негодует Царев и выхватывает дело Соколова. – Сдались тебе эти студкомы! Сейчас вместо того, чтобы побыть вдвоем, будем искать какого-то придурка деревенского!

– Я и сама справлюсь, – бурчу в ответ.

– По ходу, уже справилась, – фыркает Артур и, потирая лоб, протягивает раскрытую папку с прикрепленной к краю листа фотографией парня. – Никого не узнаешь? Это же тот болезный из леса.

Глава 4. Обнуление

Фил

Нет ничего бесконечного в этой жизни. Вот и моя темнота, чернильная, непроглядная, вязкая, постепенно начинает пропускать робкие, едва уловимые отблески света. Глаза, уставшие от монотонной черноты, нестерпимо жжет, но желание проснуться гораздо сильнее боли.

Первое, что вижу, – это белесый потолок, покрытый паутинкой тонких трещин, старый, неровный и до безумия скучный. Ловлю себя на мысли, что белить потолок – прошлый век, и вновь проваливаюсь в темноту.

На сей раз она наполнена странными звуками и отвратительным запахом антисептика – такой даже мертвого заставит проснуться. Благо нудная, тупая боль, волнами расходящаяся по телу, не оставляет сомнений: я живой. Правда, вместо головы – чугунный котелок, вместо тела – кусок засохшего пластилина.

– Вот вы и проснулись! – Писклявый девичий голосок отбойным молотком проходит по моей многострадальной голове. Неужели обязательно так орать?

Приложив недюжинные усилия, напрягаю шею и поворачиваюсь на звук. Возле непонятной громоздкой аппаратуры замечаю миниатюрную девушку лет двадцати пяти в белом халате и такого же цвета шапочке, из-под которой выглядывают ярко-рыжие кудряшки.

– Где я? – пытаюсь спросить, но пересохшие губы и отвыкший работать язык превращают простые слова в кашу.

– Тише, тише, – щебечет девчушка и оборачивается ко мне с огромным шприцем в руках, невольно отвечая на вопрос: я, черт побери, в больнице! – Не волнуйтесь! Сейчас капельницу поставлю, укол сделаю и врача позову.

Не успеваю переварить ее слова, как эта мелкая кудряшка, распахивает одеяло и втыкает иголку в мое бедро. Морщусь, но не от боли, а от дебильного осознания, что лежу совершенно голый. Что за дела?

– Ой, а у вас глаза голубые! – Поправив одеяло, рыжуха на долю секунды замирает. – Я так и знала. Не зря с девчонками поспорила: у такого красавчика и глаза должны быть обалденные!

Она серьезно? Я точно в больнице? А если и правда там, то, может, стоит позвать врача?

– Такой у вас взгляд проникновенный! – зависает сестричка, а я, дабы остановить этот бред, закрываю глаза и как по команде погружаюсь в привычную темноту.

Мое следующее пробуждение оказывается более продуктивным. На сей раз надо мной склонился полноватый мужчина далеко за сорок, в очках с массивными линзами, до одури важный и значительный. К гадалке не ходи – врач!

– Ну здравствуй, голубчик! – невнятно бормочет он, словно и его губы потрескались от невыносимой жажды, и продолжает скрупулезно меня осматривать, изредка отвлекаясь к показаниям приборов. – Понимаешь, куда попал, парень?

– Да. – Опять вместо ответа – прерывистое дыхание с примесью шепелявости.

– Ладненько! – бормочет доктор и тут же начинает ставить надо мной эксперименты. – Глазки закрыли. Открыли. Молодец! Язычок показали. Умничка! Пальчиками пошевели. Отличненько! Ногу в колене согни. Превосходненько!

– Пить... – стону в надежде прекратить экзекуцию и наконец просто поговорить. Но мои потуги остаются неслышанными.

– Ну что, голубчик, судя по всему, родился ты в рубашке. Спасибо «Скорой» скажи, оперативненько тебя к нам доставили. Что случилось-то с тобой, помнишь?

Судя по ощущениям, намерен меня переехал трактор, либо одной левой я пытался остановить локомотив.

– Понятненько, – чешет затылок доктор, так и не дождавшись моего кивка. – А имя свое помнишь?

Конечно, это же элементарно. И чему медиков учат столько лет, ежели они задают такие дебильные вопросы?

– Расчудесненько, – кивает врач и с любопытством смотрит на меня. – И как же нас, голубчик, зовут?

Я снова безуспешно открываю рот и молчу, но на сей раз не только из-за дикой сухости во рту. Мое имя... оно вертится на языке, но никак не обретает своего звучания.

– Не помнишь, значит, – заключает толстяк. – Печальненько! А сколько лет тебе, тоже запамятовал?

Судорожно пытаюсь сообразить, но и здесь терплю фиаско. Я не знаю, кто я! Я забыл самого себя!

– Мариночка, нам бы успокоительного добавить! По-шустренькому! – Положив широкую ладонь мне на плечо, он абсолютно спокойно воспринимает мои отчаянные стоны и завывания. А подоспевшая спустя минуту рыжуха хладнокровно пускает по венам очередную гадость, которая вновь отключает меня от реальности.

Однако мои пробуждения теперь становятся все чаще. И каждый раз я открываю глаза в надежде вспомнить. Но все зря. Меня вычеркнули, обнулили. И вроде вот он, я: здоровенный лоб лет двадцати, с татухой на плече и старым, едва заметным шрамом под коленкой. Я был. Я жил. Я что-то чувствовал, но ни черта не помню.

Из реанимации меня переводят в обычную палату. Каждую свободную минуту обследуют, заставляют отвечать на идиотские вопросы и безжалостно дырявят зад болезненными уколами. Моя речь постепенно приходит в норму, а ставшие ватными от долгого лежания ноги уже в состоянии удержать вес тела и даже довести до туалета. Часами смотрю на свое отражение, ставшее отныне совершенно чужим, и пытаюсь понять: за что. Неужели эта смазливая морда, что таращится из зеркала, заслужила подобное?

– Ретроградная амнезия, голубчик, – выносит вердикт полноватый доктор. – А так вы полностью здоровы.

– Амнезия, – перекаत्याю во рту слово, заменившее мне мое прошлое.

– Это обычная реакция на подобного рода отравление. Повторюсь, чудо, что вы вообще живы.

– К черту такую жизнь!

– Не горячитесь. Память вернется.

– Когда?

– Может быть, завтра, – сеет зерно надежды доктор, но тут же с корнем вырывает неокрепший росток. – А может, через год или два. Чем раньше вас найдут и заберут в привычную среду, тем больше шансов на скорейшее восстановление. Но, увы, вас никто не ищет.

Монотонные дни, однообразные, безнадежные, тусклые, неспешно сменяют друг друга. В больничных стенах они окрашены в серый и наполнены пустотой. Я все меньше верю врачам и их обещаниям, все больше ненавижу местного участкового, который совершенно не продвигается в моем деле. Меня раздражает смех медсестер, их ужимки и бессмысленный флирт; выводит из себя храп пожилого соседа по палате и аромат citrusовых на его тумбочке. Одна только мысль, что эти апельсины ему заботливо передали родные люди, заставляет лезть на стену. Меня пожирают отчаяние и глухая безнадега, а вера в лучшее тает на глазах. Приступы ярости сменяются периодами тихой апатии, а желание жить угасает с каждым днем.

– Вы опять грустите? – Очередная сестричка с обворожительной улыбкой протягивает мне градусник.

Она будто специально дождалась, когда Федора Михайловича, моего соседа, заберут на процедуры, и прискакала попытать счастья. Интересно, на кой черт природа наградила меня слащавой рожей, на которую девицы слетаются, как мотыльки на свет огня?!

– Наверно, очень страшно остаться одному, – стреляет она глазками, заметив на соседней тумбочке связку апельсинов.

– Тридцать шесть и шесть. – Возвращаю градусник, всем своим видом давая понять, что говорить по душам не намерен.

– Может, вы хотите чего-нибудь? – Не доверяя термометру, медсестра прикладывает ладонь к моему лбу.

– Нет! – недовольно фыркаю и скидываю чужое прикосновение.

– Я могу помочь. – Не понимая намеков, девица присаживается на край моей кровати.

– Не надо!

– Не скромничайте! – Будто случайно, она пробегает кончиками нежных пальцев по моей руке. – Наверняка вам тоже хочется апельсинов или шоколада, а может, еще чего. Вы только скажите.

– Я хочу тишины! – Грубо отдергиваю руку.

– Зря вы замыкаетесь в себе. Вы живы, здоровы, у вас вся жизнь впереди. Не стоит так сильно цепляться за прошлое. Я хочу вам помочь, не отказывайтесь.

– Оставьте меня в покое!

– Как хотите! – Медсестра ведет плечиками и с оскорбленным выражением лица выбегает из палаты. Наивная! Какая она за сегодня по счету? Третья? Как же они все меня достали со своей жалостью!

Вскочив с койки, раненым зверем мечусь по палате. Это все не то! Не мое! Не я! Мне нужна хоть какая-то зацепка, долбаный знак! Но ничего не происходит!

Отчаявшись, упираюсь лбом в стену и, разбивая кулаки о ее окрашенную поверхность, тихо вою. Я должен вспомнить! Я не могу потерять себя. И в этот момент, сквозь рваное дыхание и глухие удары, доносится робкий стук в дверь.

– Вон! – ору, не поднимая головы.

Мне надоели назойливые лица медсестер и однообразные вопросы участкового, надоели все эти чужие люди, с бестактным любопытством заглядывающие в мою пустую душу.

– Привет! – Бесстрашный девичий голосок отважно пробирается сквозь мою броню. И будь я проклят, если не слышал его раньше.

Резко отпрянув от стены, оборачиваюсь.

В дверях замечаю девчонку, невысокую, стройную, с огромными голубыми глазами и густой русой челкой. Белый халат небрежно накинут на хрупкие плечики, а на груди болтается огромный бейджик. Я жадно всматриваюсь в тонкие черты в надежде хоть что-то вспомнить, но снова все мимо.

– Время посещений прошло, – цежу с горечью в голосе. – Закрой дверь с той стороны!

Глава 5. Перевернутое имя

Аня

– Девушка, я устала вам повторять: никакого Соколова у нас в отделении нет! – поправив на носу очки, скрипит мадам бальзаковского возраста в белоснежном халате.

Приемные часы вот-вот закончатся, а я никак не могу найти, куда на «Скорой» доставили того парня из леса. Отделение токсикологии – моя последняя надежда.

– Да как же нет? – Терблю болтающийся на груди самодельный бейджик с собственным именем. – Мне врачи со «Скорой» сказали, что отвезут Илью в областную, а раз в общагу он так и не вернулся, значит, все еще у вас. Пожалуйста, посмотрите получше: Соколов Илья Семенович, восемнадцать лет.

– Нет у меня такого в списках! – Чувствую, нервы женщины на пределе, но и мне отступить не комильфо: желание поскорее отделаться от возложенной на меня миссии по поиску Соколова вынуждает быть настойчивой.

– Высокий, симпатичный, белокурый, – пытаюсь описать парня, но понимаю: все не то. А потом вспоминаю про личное дело Ильи, которое уже второй день таскаю в рюкзаке. – Подождите, сейчас фотографию достану.

– Девушка, вы издеваетесь?! – В голосе женщины проскальзывают визгливые нотки. – По-вашему, я каждого больного должна в лицо знать?!

– Да такого раз увидишь – не забудешь, – бубню себе под нос и достаю небольшой фотоснимок, сделанный Соколовым для студенческого билета.

– Все, девушка! Не задерживайте нормальных посетителей! – отмахивается женщина и недовольно качает головой.

– Погоди, Ален! – спешит на подмогу моей взволнованной собеседнице молоденькая санитарка. Стащив с хрупких ладоней огромные резиновые перчатки, она подходит ближе и по-свойски присоединяется к разговору. – А как же тот красавчик безымянный, которому память отшибло? Выписали уже? Может, девушка его ищет?

– Когда, вы сказали, он должен был поступить? – сияет линзами медсестра и, словно вспомнив о чем-то, с важным видом тянется к журналу на краю стола.

– Утром, двадцать пятого, – с готовностью сообщаю я и все же протягиваю фотографию Соколова. – Вот, взгляните!

– Он? – подозрительно кривится та и вопросительно смотрит на санитарку.

– Похож, вроде... – неуверенно соглашается девчонка. – Фото, правда, какое-то неудачное либо сделано сто лет назад.

– А может, молодой человек просто не фотогеничен, как мой первый муж, – развалившись на деревянном стуле, начинает рассуждать та, что старше. – Того тоже как перед камерой ни ставь, все одно: не фото, а разочарование. Впрочем, он и сам был сплошное недоразумение.

– Не важно! – бесцеремонно прерываю я чужие воспоминания. – Можно мне к Соколову?

– К этому только через главврача, – пожимает плечами медсестра и продолжает пересказывать истории из своей бурной молодости.

– Тогда зовите врача! Я должна поговорить с Ильей, – требую отчаянно и, схватив в руки бейджик, машу им для важности. – У меня задание от университета!

* * *

– Так, милочка, рассказывайте, – степенно кивает доктор Шестаков и смачно отхлебывает из здоровенной чашки чай. – Только шустренько, а то у меня еще обход.

Понуднее устраиваюсь на стуле через стол от врача и, набрав в легкие побольше кислорода, приступаю к докладу, вкратце, но не упуская ни малейшей детали, повествуя о событиях двухнедельной давности.

– Так-так! Интересненько! – Устав сидеть на одном месте, Шестаков поднимается и, подбоченившись, начинает важно вышагивать по своему скромному кабинету.

– Вот, в принципе, и все! – ставлю точку и напоследок протягиваю доктору дело Соколова с той самой миниатюрной фотографией.

– Странноватенько, – чешет подбородок Шестаков, внимательно изучая биографию парня. – Я бы даже сказал, неожиданно!

– Что-то не так?

– Так-то оно все так, но я был уверен, что наш потеряшка чуток постарше, да и по манере общения не похож он на деревенского парня – ценителя русского и могучего.

– Внешность обманчива, – пожимаю плечами, не зная, что еще сказать.

– Возможно, вы правы. – Доктор задумчиво разглядывает фотографию парня, а потом резко сует ее обратно в папку и широко улыбается. – Что ж, милочка, пройдемте к пациенту Соколову. Посмотрим, как наш голубчик отреагирует на информацию о себе. Может, что-то и вспомнит.

В полной боевой готовности вскакиваю со стула и несусь к выходу, но Шестаков нагоняет меня басовитым рыком в спину:

– Куда собралась, егоза?! Без халата не положено! – Он снимает с крючка первый попавшийся халат и накидывает мне на плечи. – Не забудь обратно занести.

– Разумеется. – Достаю зажатые халатом волосы и поправляю бейджик.

– А это у тебя что? – Шестаков щелкает пальцами перед моим носом.

– Бейджик, – спешу с ответом. Неужели непонятно? Хотя, судя по насмешливому взгляду доктора – нет. – Ну, чтобы ясно было, что я лицо официальное – представляю студенческий комитет, а не просто там какая девица с улицы.

– Ну-ну, – откровенно потешается над моей самостоятельностью главврач. – Это все меняет, Аня Румянцева. Бог с ним, идемте! Время, знаете ли, не ждет!

Верным псом плетусь в ногах Шестакова по длинным и мрачным коридорам больницы. Нос неприятно щекочет запах хлорки и лекарств. Навстречу то и дело шаркают пациенты с измученными лицами, непрерывно снуют медики, и каждый норовит отнять секунду драгоценного времени главврача. Мы постоянно останавливаемся, и Шестаков так увлеченно отвечает на вопросы, что порой забывает обо мне. Я все понимаю: он спасает жизни, но мое время тоже не резиновое. Стою как неприкаянная рядом, переступая с пяток на носки и обратно, и нетерпеливо жду, когда же мы дойдем до палаты потерявшего память Соколова.

– Милочка... – Шестаков озадаченно смотрит на меня. Уже минут пять какой-то молодой худощавый доктор донимает его расспросами, но никак не получит нужного ответа. – Палата триста восемь. Идете прямо и налево. Я подойду сразу, как освобожусь. Пока познакомьтесь с нашим потеряшкой. Ну что глазки выпучили? Не бойтесь, голубушка. Соколов у нас хоть и не в себе, но вроде не кусается.

Шестаков начинает громогласно хохотать, а худосочный доктор ему поддакивать. Дурдом! Гордо задираю нос и, развернувшись на пятках, иду, как указано, прямо и налево.

Триста восьмую палату нахожу без труда. Дверь приоткрыта, вокруг никого. А вот из самой палаты доносятся странные звуки: глухие удары сменяются протяжным и жалобным

стоном. Краем глаза заглядываю внутрь и ошарашенно наблюдаю, как тот самый парень, которого я видела грязным и полуживым, что есть мочи пытается разбить стену. По телу пробегает ошутимое волнение, и бывшая решимость медленно испаряется. Что я здесь делаю? Зачем беру на себя непомерную ответственность? Задание студкома я выполнила: нашла Соколова, а его отсутствие на учебе и в общежитии теперь могу легко объяснить. И все же, отчаянно выдохнув, подхожу вплотную к двери и, не оставляя себе времени на «подумать», стучусь.

– Вон! – надрывно ревет блондин, даже не повернувшись в мою сторону, и с новой силой дубасит кулаками по стене, точно псих. А я уже начинаю сомневаться в заверениях Шестакова, что Соколов не кусается.

– Привет! – Все же переступаю порог и подхожу ближе, ощущая необъяснимую ответственность за состояние парня, который, к слову, живым и на своих двух выглядит сейчас куда лучше. Чистые волосы цвета спелой пшеницы непослушно топорщатся в разные стороны, рельефные мышцы рук при каждом ударе соблазнительно перекачиваются, а из-под растянутой футболки виднеется кусочек замысловатой татуировки. Парень больше не кажется немощным и бледным. Напротив, он поражает своей силой и харизмой, а еще небывалой красотой, до которой в лесу мне по понятным причинам не было дела. Зато сейчас, когда, перестав наконец колошматить стену, он тяжело дышит и смотрит на меня в упор, чувствую, как робею, но в то же время не могу перестать поедать жадным взглядом его идеальную фигуру и черты лица, словно высеченные из камня.

– Кажется, тебе лучше, – заливаясь краской, говорю первое, что приходит в голову.

– Лучше? – передразнивает меня красавчик и начинает хохотать – громко, до безумия отчаянно, до мурашек горько. А потом резко разворачивается и замирает. Медленно, со скоростью невыспавшейся черепахи елозит по мне затуманенным взглядом, и чем дольше он рассматривает меня, тем отчетливее читается отвращение в васильковых глазах, таких пустых и печальных, что в который раз понимаю: я взвалила на свои плечи невероятный груз ответственности. Этот парень, донельзя потерянный и отчаявшийся, нуждается в помощи, но никак не в моих нотациях.

– Наверно, ты прав, – бормочу вмиг пересохшими губами. – Мне лучше уйти.

Сгорая от смущения под его въедливым взглядом, пячусь к выходу, в душе проклиная студком и бабушкины пирожки.

– Стой! – с надрывом просит парень и, резко притянув меня к себе, упирается пальцами в бейджик, случайно перевернувшийся задом наперед.

– Яна? – с надеждой произносит Соколов, продолжая царапать мое перевернувшееся вверх тормашками имя, и что-то жадно выискивает взглядом в моих глазах.

– Аня. – Поправляю бейджик, ненароком касаясь напряженных пальцев парня. – Я пришла тебе помочь. Можно?

– Я смотрю, вы уже познакомились. – Доктор Шестаков бодрым шагом входит в палату и, смахнув со лба выступившие капельки пота, с надеждой смотрит на Соколова. – Ну как, голубчик, что-нибудь екнуло тут? – Он стучит по виску указательным пальцем и с еще большим азартом наблюдает за реакцией парня.

– А должно? – Потеряв ко мне всякий интерес, Соколов возвращается к той самой стене, которую только что пытался разрушить.

– А почему бы и нет? Девушка так настойчиво к вам прорывалась. – Шестаков игриво подмигивает, а я по-идиотски хлопаю глазами. – Я был уверен, что встреча с человеком из вашего прошлого пойдет вам на пользу.

– Но... – По-быстрому подбираю челюсть и пытаюсь прояснить ситуацию: нет у нас никакого прошлого.

– Не волнуйтесь, деточка! – лихо прерывает меня главврач. – Рано или поздно молодой человек все вспомнит.

– Мы раньше пересекались? – Теперь наступает очередь парня без спроса влезать в разговор. Но просто перебить Шестакова ему мало! Он снова начинает меня разглядывать, как редкий музейный экспонат.

– Нет! – спешу с ответом, но тут же добавляю: – Точнее, да! Я...

Моя дурацкая привычка говорить правду вносит в ситуацию еще большую неразбериху.

– Аннушка, как выяснилось, знает про вас все! – Да что это за больничная традиция перебивать! Шестаков лукаво улыбается и, подойдя к Соколову, хлопает его по плечу. – Вы, оказывается, никакой не голубчик, а самый что ни на есть сокол.

Красавчик хмурится, абсолютно ничего не понимая, и встревоженно переводит взгляд с доктора на меня и обратно.

– Ты знаешь, кто я? – опасливо спрашивает он, с отчаянной надеждой в глазах подаваясь вперед.

– Да... – Получается как-то неуверенно.

– И?... – выдыхает парень, едва справляясь с волнением. – Кто я?

– Тебя зовут Илья. Соколов, – осторожно сообщая, что знаю, под монотонные кивки Шестакова.

– Илья Соколов. – Парень перекачивает на языке свое имя и фамилию и, схватившись за лоб, начинает неистово его тереть.

– Ни хрена! – рычит он. – Никаких ассоциаций! Ничего!

– Не все сразу, Илюша! – пытается успокоить своего пациента доктор и, глядя на меня, вращает ладонью, чтобы я продолжала.

– Этим летом ты поступил к нам в педагогический, правда, на учебе так и не появился.

– В педагогический? Я? – И снова сталкиваюсь с пристальным взглядом, непонимающим, неверящим, несогласным, но до безумия завораживающим.

– Да, – сглотнув, киваю. – На филфак.

– Это шутка? – Пропуская непокорные пряди пшеничных волос сквозь пальцы, Илья скидывает с себя пухлую ладонь Шестакова и грациозной походкой с повадками дикой кошки подбирается ко мне вплотную.

Теряюсь. Задыхаюсь от близости. Но все же мотаю головой: нет.

– Посмотри на меня, девочка! – Он проводит руками вдоль рельефного тела, акцентируя мое растерянное внимание на своей татуировке. – Какой из меня филолог? А?

Да я и сама вижу, что никакой, но факты – вещь упрямая.

– Вот! – С напускной уверенностью протягиваю парню его же личное дело. – Я понимаю, у тебя амнезия. Но это же ты?

Блондин подходит ближе и, выхватив папку, начинает жадно изучать документы.

– «Соколов Илья Семенович, 18 лет, родился в деревне Дряхлово. Окончил среднюю поселковую школу с золотой медалью. Победитель районного конкурса талантов в номинации «Лучший баянист».

Не дочитав, парень с размаху захлопывает папку, и в палате воцаряется гробовая тишина. Я, кажется, не дышу. Смотрю, как играют желваки на красивом, не по-мальчишески взрослом лице, и боюсь представить, что происходит в голове Ильи в эту секунду. Шестаков тоже молчит, внимательно наблюдает за пациентом и кивает каким-то своим мыслям. Соколов (ну он же Соколов, правда?) тяжело дышит и бессмысленно смотрит в одну точку, а потом внезапно начинает сотрясаться в очередном приступе смеха.

– Я еще и баянист?

– Илья! – впервые называю его по имени, но оно пока слишком чужое для парня. Он меня не слышит. Впрочем, вряд ли он сейчас вообще способен кого-нибудь услышать.

– Ботан-филолог-баянист из Дряхлова?

– Да. – Внутри все сжимается от щемящей грусти и непомерной жалости: мало того что парень ничего не помнит, еще и правда оказалась ему не по душе.

– Есть что-то еще? – сквозь смех доносится его разочарованный грубоватый голос. – Ну давай, удиви меня! Может, я чемпион по сбору картошки? Или лучший исполнитель частушек? А может, моя корова дает больше всех молока? Ну, Пуговица, чего молчишь? Разрешаю меня добить!

– Илья, возьмите себя в руки! – безрезультатно подает голос главврач, а мне жаль, что парень сам не дочитал свое дело до конца, тогда, быть может, так сильно не веселился бы.

– Из родных у тебя только бабушка, но она осталась в деревне, а ты переехал в город и сейчас живешь в студенческом общежитии, точнее, в конце августа заселился и сразу пропал.

Мне кажется, или больничные стены дрожат в такт гомерическому хохоту парня? Впрочем, его дикий, необузданный смех смолкает так же внезапно, как и начался.

– Скажи, что это дебильный розыгрыш! – Отшвырнув папку в сторону, Илья пристально смотрит на меня, и наши взгляды встречаются. В его небесно-голубых глазах искрится надежда и немая мольба. – Тогда неудивительно, что я забыл свою жизнь.

Четыре пропущенных от Артура и от него же тонна ворчливых смайликов в мессенджере – я и забыла, что Царев ждет меня на парковке. Едва не спотыкаясь, несусь вниз по лестнице и, благодарно кивнув санитарке, спасшей меня от провала, выбегаю на улицу. И вроде должна радоваться – миссия студкома выполнена, но в глазах стоят слезы, мутной пеленой искажая обзор. Казалось бы, чужой человек – чужая судьба, какое мне до всего этого дело? На то пошло, у меня своих проблем выше крыши: отца снова уволили с работы, Артур дуется второй день, что предпочла задание студкома его трепетным чувствам, да и по учебе с первых дней полнейший завал. Но нет же! Растроганная неприкрытой беспомощностью этого обворожительного здоровяка-блондина думаю только о нем.

– Ну наконец-то! – выдыхает Артур и, не дождавшись, пока я пристегнусь, заводит мотор серебристого седана, подаренного ему отцом на двадцатилетие. – Нашла ущербного?

– Кого? – растерянно переспрашиваю я, не зная, куда деть руки и спрятать мокрый от слез взгляд.

– Кого-кого! – бурчит Царев, выруливая на проспект Мира. – Соколова, разумеется.

– Нашла. – Зажимаю ладони между коленками и отворачиваюсь к окну.

– Ань, мне из тебя каждое слово клещами тянуть?! – ерепенится Артур. – Тебя три часа не было. Думаю, я заслужил чуть больше конкретики.

– Соколов лежит в отделении токсикологии. В ту ночь, когда мы нашли Илью, его сильно отравили и ограбили. Ни денег, ни документов, но самое страшное – он потерял память. Представляешь?

– Да ну, гонишь!

– Я серьезно, Артур. Он все понимает, различает предметы, может читать, наизусть помнит даты из истории, но понятия не имеет, кем является сам. Ни лиц, ни событий – ничего!

– Ого! Я думал, такое только в кино бывает.

– Артур, это так страшно!

– Что именно?

– Однажды проснуться и полностью потерять себя.

– Забей, Анька! Ты его нашла, и дело с концом! Остальное не твоя забота. Есть врачи, полиция, друзья, родные... Короче, не бери в голову.

– Угу... – Не хочу спорить и снова разочароваться в Цареве. В конце концов, каждый имеет право на свою точку зрения. – Артур, давай через универ проедем.

– Зачем?

– Сразу отчитаюсь перед студкомом.

– А на завтра это ответственное мероприятие, – на мгновение выпустив руль, Артур рисует в воздухе воображаемые кавычки, – отложить нельзя?

– Но...

– Ань! – шипит Царев. – Мне это уже осточертело! У тебя есть время на все: на непонятный студком, жертву отравления Соколова, вечно депрессирующего отца! Только не на меня! Твой деревенский подопечный в хороших руках! Подождет! А у нас по плану роллы, не забыла? Или тоже память отшибло?

– Помню, – покорно киваю, продолжая смотреть в окно, и решаю умолчать, что дала слово Илье первое время быть рядом и помочь ему освоиться в старой новой жизни. Артур не поймет: взбеленится, снова начнет нудить и еще, чего доброго, заставит отказаться. – Роллы, так роллы!

Глава 6. Кеды, тазик и пельмени

Фил

– Со-ко-лов... – Уже минут десять разглядываю себя в зеркале, примеряя звучную фамилию к своей смазливой роже, и жду, когда что-нибудь щелкнет в опустевшем мозге. – Ни-чего!

– Разговариваем сами с собой, Илюша? – Как всегда не вовремя, в палату забегают Шестаков с кипой бумаг. – А я выписывать вас собрался. Видимо, рановатенько.

– Куда выписывать? – Отталкиваюсь от одинокой раковины и подхожу к окну. Там, за стенами больницы, меня никто не ждет. Даже бабка, и та, сославшись на уборку картошки, отказалась приехать. Мол, не маленький, справлюсь сам.

– Сокол мой, не раскисайте! – Поправив на носу очки, доктор усаживается на стул и раскладывает на столе мою историю болезни. Толстенную историю, надо сказать. – Поверьте, на свободе вам будет гораздо лучше. Либо могу перевести в психиатрическое отделение. Полежите там, а в токсикологии делать вам больше нечего.

– В психушку? – прыскаю со смеху, но тут же беру себя в руки. Еще не хватало, чтобы толстяк приписал мне какое-нибудь расстройство.

– Вот и я, соколик, полагаю, что лучше на волю. Верно?

– Верно, – обреченно киваю и растерянно смотрю за окно, совершенно не представляя, куда мне идти.

– Тогда собирайтесь, Илюша. Аннушку я уже обрадовал. Она обещала привезти ваши вещи и помочь добраться до дома, ну, или где вы там живете.

– Аннушку, – повторяю задумчиво, мыслями уносясь в пустоту.

Эта девочка с огромными глазами и копной русых волос – единственная, кому есть дело до меня. Уже больше недели она прибегает в больницу после учебы и делится со мной новостями. Находит время и силы, чтобы помочь восстановить документы. Вваливается на свои плечи общение с участковым. И даже в минувшие выходные вместе с ним доехала до Дряхлова, чтобы заручиться словами бабки касательно моей личности. На моей тумбочке теперь тоже лежат апельсины, а приемные часы перестали быть пустым звуком.

– Вот и ладненько! – Шестаков звучно хлопает по столу моей выпиской и потирает пухлые ладони. – Вот и в вашем, соколик, непростом случае могу поставить галочку. Долгие прощания не терплю, поэтому давайте больше к нам не попадайте.

Шумно выдохнув, доктор поднимается на ноги и спешит прочь. Успеваю крикнуть в спину «спасибо» и снова устремляю взгляд к окну: вариантов нет – жду Аню.

* * *

– Вот я не понимаю, честно. – Уступив место молодой мамочке с карапузом на руках, мы с Румянцевой устраиваемся в самом хвосте «Икаруса». – Почему ты помнишь, что борщ – это борщ, что ботинок бывает левым и правым, а, например, сколько стоит проезд в автобусе, забыл?

– Не знаю, – пожимаю плечами и как баран на новые ворота продолжаю смотреть на кондуктора, собирающего с пассажиров плату за проезд: это же можно рехнуться – обилечивать так каждого!

– Кстати, о ботинках... – Носом киваю на странного вида кеды цвета детской неожиданности, что красуются на моих ногах. – Это точно мои?

– Если в прошлом ты не промышлял кражей чужой обуви, то да, – чеканит Пуговица, сияя глазками, как драгоценными кристаллами. – Я их взяла из твоей комнаты в общежитии. Кстати! – Отпустив поручень, Аня скидывает с плеча рюкзак и начинает что-то усердно искать.

– Это не то, это тоже, – бурчит себе под нос, плавно покачиваясь в такт движению автобуса, пока я, как настоящий трус, цепляюсь обеими руками за все, что только можно, лишь бы устоять. Бред! Как вообще люди ездят стоя?! И почему мне все это в диковинку? Неужели я настолько пропитан деревенской жизнью, что боюсь общественного транспорта как огня?

– Вот! – ликует Румянцева, протягивая ключ, и награждает меня обворожительной улыбкой, немного наивной, но такой искренней и чистой, что я зависаю и отпускаю поручень. Хочу, как Аня, быть смелым и ловким.

– Это от твоей комнаты. Держи! – напоминает о себе Пуговица, не понимая, что я сейчас целиком и полностью сосредоточен на удержании равновесия. Она смеется. Ну конечно! Потом берет меня за руку, вкладывает ключ и сжимает мою ладонь в кулак. – Так-то лучше!

– Да! Намного! – срывается с моих губ. Правда, думаю я совсем не о ключе.

– Илья, а что с кедами не так? – щебечет Румянцева и вновь хватается за поручень, оставляя меня одиноко болтаться возле задних дверей.

– Они мне велики.

– Сильно?

– Размера на два.

– Странно... – Аня забавно сдвигает брови, пытаясь придумать объяснение.

– Наверно, все же не мои, – помогаю с ответом.

– Твои, Илья, твои! – со стопроцентной уверенностью заявляет девчонка. – Просто другого размера не было в магазине, а искал ты именно такие.

– Такие? – Нет, я, конечно, смирился со своим деревенским прошлым и дипломом лучшего баяниста, но, черт побери, что было с моим вкусом? Мало того что на мне джинсы, облегчающие ноги ничуть не хуже капроновых колготок, футболка с идиотской надписью «Abibas» и ветровка, насквозь пропахшая печкой, так еще и кеда непонятного оттенка я оттяпал в магазине последние. Пижон, ё-мое.

– Не нравятся, да? – с наигранным сочувствием смотрит на меня Аня, а сама еле сдерживает рвущийся на свободу смех. Та еще ехидна!

– Нет! – недовольно бурчу и даже не падаю, когда автобус заходит в поворот.

– Мне, честно говоря, тоже, – признается Румянцева, наморщив аккуратный носик. – Но другой обуви я в твоей комнате не нашла. Ты бы, Илюш, за поручень взялся, а то мало ли...

– Не упаду – не переживай! – Получается грубо и самоуверенно.

– Как знаешь. – На щеках Ани тут же проступает легкий румянец. Она немного растерянно отворачивается к окну и молчит. Чувствую себя не в своей тарелке: что мне стоило перевести все в шутку, а не срываться на единственном человеке, протянувшем мне руку помощи?

– Я знаю, как было на самом деле, – продолжая удерживать равновесие, делаю шаткий шаг навстречу. – Мне их купила бабушка.

– Бабушка?

Получилось! На губах Ани улыбка, а в глазах – интерес.

– Ага! На вырост.

Полупустой автобус моментально наполняется звонким смехом.

– А вот и не на вырост, – хихикает Румянцева, наплевав на осуждающие взгляды других пассажиров. – А чтобы ты носочки шерстяные поддевал.

Стоит представить эту картину, как невольно и сам начинаю сотрясаться от смеха и забываю взяться за поручень, когда автобус резко тормозит на светофоре.

– Ой! – только и успевает пискнуть Аня, волею судьбы прижатая моим телом к пыльному окну.

– Прости! – шепчу, утопая губами в мягком шелке русых волос. Понимаю, что должен отойти, еще раз извиниться, но с головой пропадаю в легком, едва уловимом аромате, исходящем от девчонки. Сладкий жасмин переплетается с почти невесомой терпкостью мимозы и рождает поистине магическое послевкусие.

– Соколов, сделай шаг назад! – приводит меня в чувство Пуговица и отчаянно упирается ладошками в мою грудь.

– Прости! – бубню невнятно и тут же нахожу предлог не отходить. – Мне кажется, я что-то вспомнил.

– Наша остановка, – смущенно бормочет Аня и юрко высвобождается из-под моего веса. – Илья, идем!

Она берет меня, немного растерянного, за руку и тащит за собой. Черт, как все же неудобны эти автобусы: мало того что постоянно трясет, какие-то чужие, незнакомые люди без зазрения совести норовят ткнуть локтем побольнее, так еще и выйти из этого ада нужно успеть, а не то ржавые двери ногу откусят или шею передавят. Брр!

– Так что ты там вспомнил, Илья? – Не выпуская моей руки, Аня ведет меня за собой по узкому тротуару, с двух сторон украшенному кустами ярко-красного шиповника.

– Не важно, – бурчу под нос, на ходу отрывая пару ягод. Если честно, очень не хочу вдаваться в подробности. Да и что я ей скажу? Что ее волосы такие же мягкие и нежные, как у кого? Непонятной девушки из моего прошлого, которую даже вспомнить не могу? Да и была ли она, эта девушка? Так, одни эфемерные образы на грани ощущений. Ну на фиг! И так кажусь себе жалким и убогим в этих кедах. Лишний повод для смеха над собой давать точно не стоит.

– В твоем случае важна каждая мелочь! Рассказывай! – не унимается егоза и, заметив, что я тащу шиповник в рот, возмущенно бьет по рукам.

– Фу! Илья, он же грязный! – морщит носик, а я радуюсь, что сработало: внимание Пуговицы смещено.

Анька напоминает сейчас электрический чайник, готовый вот-вот закипеть: так же пыхтит и хмурится.

– Привык в своей деревне все с грядок немывтым жевать! – возмущенно взмахивает руками. Смешная! – Здесь так нельзя!

– Я просто голодный. – Повожу плечами и выкидываю остатки ягод в кусты. – На завтрак была манная каша, а обед я пропустил.

– Что плохого в манной каше?

– Не знаю. Она просто мерзкая.

– А я люблю манку.

– А я греческий омлет со шпинатом обожаю. Особенно если добавить туда оливки каламата, шампиньоны и, конечно, тимьян. А вместо водянистого больничного какао обязательно черный свежесваренный кофе с тонкой пенкой и кусочком тирамису.

Чувствую, как слюнные железы сходят с ума от одного только упоминания о еде. Правда, пока я предаюсь мечтам, Аня начинает заливисто хохотать, возвращая меня к кустам шиповника и серой реальности.

– Оливки каламата? – Сквозь смех едва получается разобрать ее слова. – Ты фантазер или фанат кулинарных программ?

– Почему?

– Ну просто... – немного успокоившись, пытается объяснить Аня. – Я же была у тебя дома. Какие оливки и шпинат? Какой тирамису? Откуда?

– Думаешь, если я деревенский...

– Нет! – Девчонка резко тормозит и, развернувшись ко мне, с очередной порцией жалости заглядывает в душу. – Насколько я поняла, вы концы с концами еле сводили. Жили на одну

бабушкину пенсию да твое пособие. Какой там тирамису? Дай бог, на хлеб да на чай хватило бы. А ты – шампиньоны, оливки...

– Может, ты и права. – Резко отступаю и несусь вперед. Осознание собственной никчемности больно ударяет по самолюбию.

Остаток пути мы проходим молча. Я проклинаю дурацкие картинки, то и дело всплывающие в памяти, но, как выясняется, совершенно не относящиеся к моей жизни. Аня держится рядом и, волнуясь, кусает губы, страшась снова сболтнуть лишнее. Правда, у дверей общежития она все же решается заговорить.

– Вот здесь ты и живешь.

Скептически осматриваю выдавшее виды пятиэтажное здание из серого кирпича с величавой табличкой у входа.

– Комната двести тридцать четыре. Это на втором этаже. – Взобравшись по раздолбаным ступеням крыльца, она тянет на себя скрипучую металлическую дверь непонятного цвета, за которой нет ничего, кроме непроглядной темноты, и с улыбкой зовет за собой.

С опаской переступаю порог: может, зря я отказался от психиатрического отделения?

– Илья, смелее! – подбадривает Румянцева и наконец выводит меня к свету. – Мария Ивановна, добрый день!

Что за идиотская привычка у Ани всем улыбаться?! Ладно бы Шестакову и порядком уставшей кондукторше, но этой престарелой гримзе с перекошенным лицом и взглядом Цербера зачем?

– Румянцева, опять ты? – скрипит вахтерша из своей застекленной клетки, вытягивая любопытный нос к небольшому окошку. – Паспорт или студенческий давай. И в журнал себя вписывай.

– Так я ведь уже...

– Правила, Румянцева, для всех едины, – безапелляционно цедит старушка, вынуждая Аню озадачиться поиском документов. Не знаю, что девчонка носит в рюкзаке, но уже в который раз отыскать нужную вещь ей удастся с трудом.

– Вот! – Спустя минуты три Аня радостно сдает в плен студенческий билет и привязанной к столешнице авторучкой ставит закорючку в раскрытом журнале, а потом спешит ухватить меня за руку, чтобы поскорее окунуть в общажные будни.

– Стоять! – верещит вахтерша, вскочив со стула, и подозрительно осматривает меня с ног до головы рыбьими глазками. – А ты кто такой?

– Первый парень на деревне. – Меня коробит от этой морщинистой генеральши в юбке, а еще больше – от перспективы задержаться здесь надолго. – Неужто не признали, Марья Ивановна?

– Да я... да ты... – пыхтит, как паровоз, вахтерша, отчего выглядит еще более нелепо.

– Мария Ивановна, это Соколов. Тот самый, – спешит сгладить углы Аня, усердно дергая меня за рукав. – Илья, ну ты чего?

– Тот самый – не тот самый! – скалится гримза в отместку. – Мне без разницы! Или пусть пропуск показывает, или идет на все четыре стороны отсюда!

Сгораю от желания развернуться и последовать дельному совету: такая жизнь не для меня! Господи, как же хочется все вспомнить, чтобы перестать офигевать от каждого мгновения!

– Это, конечно, не мое дело! – Румянцева чешет по лестнице, продолжая отчитывать меня, как безмозглого первоклашку, на весь пролет. – Но нужно быть полнейшим идиотом, чтобы, живя в общежитии, приобрести в лице коменданта главного врага. Ну почему ты ей сразу не показал этот дурацкий пропуск? Зря я, что ли, бегала по всему универу, чтобы вовремя успеть восстановить тебе документы?

– А тебе не тошно пресмыкаться перед такими, как эта Мария Ивановна? – усмехаюсь в ответ, лениво разглядывая странные надписи на стенах и идиотские рисунки мужских гениталий. Тоже мне, будущие педагоги! – Вместо коллекционирования студенческих лучше бы жильцов запрягла стены вымыть.

– Нам сюда, – отчаянно вздыхает Аня и сворачивает к длинному коридору, немного напоминающему больничный: такие же наполовину выкрашенные темно-зеленой краской стены, множество похожих дверей и бьющие в нос запахи. Вот только если в отделении пахло хлоркой и стерильностью, то здесь воняет старыми залежалыми вещами и прокисшим супом, дешевым средством от тараканов и неустроенностью. Невольно прикрываю нос тыльной стороной ладони, с ужасом понимая, что так в скором времени будет вонять и от меня.

– Здесь кухня, – щебечет Румянцева, не обращая внимания на въедливые ароматы. – Там душевая, а за ней прачечная.

– Можно сдать вещи в стирку?

– Скорее, постирать самому, – ухмыляется девчонка. – Готовить, кстати, тоже придется самому. Умеешь?

– Разумеется, – вру, придав голосу излишней самоуверенности, и сожалею, что не остался в больнице.

– А вот и твоя комната. – Пуговица тормозит возле неприметной двери с номером 234, не решаясь зайти.

– Чувствуешь? – Веду носом, улавливая в воздухе съестной аромат, на сей раз не кислый, не мерзкий, а вполне себе аппетитный.

– Время обеда, – разводит руками Аня. – У тебя в холодильнике есть яйца и пельмени. На сегодня хватит, а завтра ходим в магазин. – Согласен?

– Согласен!

Заручившись моим кивком, Румянцева изо всех сил колотит кулачком в дверь.

– Ты чего делаешь? – Недоуменно хлопая глазами, достаю из кармана ключ. – Хозяин комнаты здесь, перед тобой.

– Ой! – Аня виновато смотрит на меня. – Я забыла сказать, что ты живешь не один, а с Мишей.

– С каким еще Мишей? – настороженно уточняю: все это похоже на дурной сон, которому ни конца ни края.

– С Петуховым, – преспокойно отвечает Аня.

Ответ, конечно, по существу, но тревога в душе множится с космической силой.

– Давай я задам вопрос по-другому. – Дабы удостовериться, что я ни фиги не с шальной планеты, хватаю Румянцеву за плечи и, жадно елозя по ней взглядом, уговариваю мужика внутри себя проснуться. – Почему я живу с Мишей, а не с Катей или Мариной, например?

– Не знаю. – От неожиданности распахнув глаза, Аня трепещет в моих руках и сбивчиво пытается оправдаться. – Я не в курсе, как у вас тут все устроено, правда.

– У кого «у нас»? – Голос дрожит, как и руки, все крепче сжимающие хрупкие плечи.

– Илья, успокойся. Миша хороший. Вот увидишь, он тебе понравится.

– Понравится? Мне? – Теперь ясно: долбаные джинсы в обтяжку на мне неспроста. – Ты серьезно?

– Конечно! Если бы не он, я бы только-только собрала твои вещи, а Миша с ходу сообразил, что нужно и где искать. Илья, я тоже думаю, лучше тебе с ним пожить, чем одному.

– Но я не хочу! – Как чумной, снова зарываюсь носом в мягкие волосы Румянцевой, нескромно прижимая ее тело к своему, и шепчу: – Я не такой, понимаешь?

– О, а вот и вы! – Скрип двери сменяется бодрым мужским голосом, вынуждая меня отпустить девчонку.

– Илья, это Миша, – суется Аня, стараясь не смотреть на меня. Щеки Румянцевой горят огнем.

Заторможенно перевожу взгляд в сторону Петухова. Рыжий, конопатый, высокий, как жираф, и немного сутулый, он с кривой ухмылкой смотрит на меня, а в моей голове яркими вспышками мелькают картинки из прошлого: захлавленная квартира, рыжая шевелюра, нос в веснушках и мой кулак, жаждущий крови. Кого я бил? Рыжего? Или, напротив, заступался за него. Не помню. Хоть убей, ни черта не помню. Но что рыжая каланча в моей жизни была – это факт!

– Здорова, Сокол! – басит парень и заключает меня в объятия, со стороны, конечно, дружеские, но я-то знаю, что скрывается за ними. Наверно, поэтому шарахаюсь в сторону, безгласно скидывая с себя руки Петухова.

– Не помнишь меня? – хохочет придурок и подмигивает Румянцевой. – А я тебе не верил, Анька! Ну ниче, справимся!

– Вот и отлично! – шелестит девчонка, поправляя на плече рюкзак. – Я тогда побегу, а то дел много.

Умоляюще мотаю головой, чтобы Аня не смела оставлять меня одного в этом дурдоме, но Румянцева продолжает смущенно избегать моего взгляда. Ну конечно, чувствует себя третьей лишней!

– Лады, – кивает Петухов. – А мы тогда пообедаем. Сокол, я пельмени твои сварил, ты ж не против?

– Пельмени? Да. То есть нет, – продолжаю буравить взглядом покрасневшие щеки Пуговицы. – Аня...

– Илья, – перебивает меня девчонка. – Номер телефона у тебя мой есть. Если что понадобится, звони. А пока оставляю тебя Мише. Не скучайте, мальчишки. Ладно?

– Да не бойсь, Анька! – чешет репу Петухов. – Я быстро нашему Соколу мозги вправлю, увидишь!

– Вот и хорошо! – Румянцева хлопает себя по бокам и не прощаясь убегает. А я смотрю ей вслед с какой-то непередаваемой тоской, мечтая снова все забыть.

– Сокол! Прием! – Петухов шелкает тощими пальцами перед моим носом. – Хватит Аньку глазами пожирать, слышь? Она не для тебя. Не для таких, как мы.

Миша запросто закидывает руку мне на плечо и тянет за собой в комнату.

– Я не такой! – скалюсь в ответ, упираясь пятками в бетонный пол, и ору как сумасшедший. Впрочем, лучше быть психом, чем жить с парнем. – Я нормальный! Нормальный!

Остервенело смахиваю с себя руку Петухова и непроизвольно сжимаю кулаки: пусть только попробует перетянуть меня на сторону зла!

– Ну тебя и шибануло! – Петухов тут же отскакивает от меня, испуганно выставляя перед собой раскрытые ладони.

– А ты ручонки свои похотливые не распускай! – наступаю на рыжего, и тот пятится, пока не упирается спиной в косяк. Хлопает глазками-щелочками, а потом как давай ржать!

– Сокол, ты идиот? – булькает сквозь смех Миша. – Ты что, подумал, что я с другого берега? Поверь, с ориентацией у меня проблем нет.

– Тогда какого лешего мы живем вместе?

– Вот ты лопух, Илюха! Мы просто соседи, – никак не угомонится Петухов. – Совсем мозги перегорели? Это общага, а не отель пять звезд! Здесь все так живут.

– Так мы... так я... – Растерянно отхожу от пацана, с небывалым облегчением вдыхая кислород полной грудью.

– Сокол, пошли лучше пельмени жрать. – Конопатая физиономия Миши расплывается в улыбке. – Не бойся, приставать не буду, даже если начнешь умолять! У меня невеста есть.

Рыжий открывает дверь, и в нос с новой силой ударяет запах еды. Но если поначалу этот запах казался аппетитным, то сейчас он побуждает желудок вывернуться наизнанку.

– Вот черт! – орет Мишаня, широченными шагами подходит к захламленному столу возле небольшого окна и выдергивает из розетки провод электрического чайника, из носика которого клубится пар с едким привкусом тухлого лука. Правда, Петухова запах нисколько не смущает. Он суетливо ищет ложку и зачем-то лезет с ней внутрь прибора.

– Сокол, твоя койка слева, – орет он, не глядя на меня. – Сейчас пельмени достану и экскурсию по комнате проведу.

– Откуда достанешь? – настороженно уточняю, хотя ответ и так лежит на поверхности, просто никак не находит места в моей голове. – Почему ты пельмени в чайнике варишь?

– Потому что на кухню идти влом, – пожимает плечами Миша. – Тут, пока они варятся, я кучу дел успеваю переделать. А там стоять над ними надо, чтобы не убежали.

– Куда не убежали?

– Да хоть куда, – хмыкает Петухов и с гордым видом достает из чайника нечто бесформенное и склизкое. И это меня Шестаков хотел в психушку отправить. Видел бы доктор, что за стенами больницы творится!

– Тут же как, – на полном серьезе продолжает Петухов, – чуть недосмотришь за харчами, и их обязательно кто-нибудь слопает. Недоваренное, сырое, пересоленное – не важно, главное, что на халяву. И самое обидное: никто даже спасибо не скажет.

С нескрываемым отвращением наблюдаю, как Миша перекладывает в тарелку жалкое подобие пельменей. Ладно, их внешний вид пострадал от неправильного приготовления, но что с запахом? Почему пельмени из мяса воняют просроченной рыбой?

– А чай ты как пьешь?

Не в силах больше смотреть, как из чайника выныривает еда, начинаю изучать комнату. Маленькая, с засаленными обоями и грязно-кирпичным линолеумом, она забита небрежно брошенными вещами: не первой свежести одеждой, горой потрепанных учебников и таких же конспектов; на стене висит гитара советских времен, а дверца обшарпанного шкафа держится на честном слове и вот-вот отпадет.

– Для чая есть кипяtilьник, да и чайник можно ополоснуть. – Петухов на мгновение оборачивается и смотрит на меня как на дурака. – Тоже проблему нашел! В крайнем случае всегда можно в гости к кому-нибудь зайти и под шумок не только чайком обзавестись, но и чем-нибудь более сытным.

– Ладно, – отмахиваясь от соседа и иду к отведенной для меня кровати, узкой и какой-то хлипкой на первый взгляд. Серое узорчатое покрывало аккуратно прикрывает неровный матрас, усердно продавленный посередине, а тонкие металлические ножки, проеденные рыжими пятнами ржавчины, немного косят, словно отговаривают меня даже близко подходить к шаткой конструкции. И как на этом можно спать?

– Забавный ты парень, Илюха! – бросает мне в спину Петухов, продолжая гроыхать ложкой по металлической поверхности чайника. – Вот вроде память потерял, а на кровать все так же с недоверием смотришь.

– Спать на этом опасно для жизни.

– Ты потому и сбежал?

– Сбежал? – Не рискнув сесть на это ржавое недоразумение, подхожу к столу: лучше задохнуться от пельменного амбре, чем ненароком сломать спину.

– Ну да! – Стараниями Петухова перед моим носом вырастает тарелка с переваренным тестом. – Ты ж заехал сюда в конце августа, вещи раскидал и исчез.

– А ты? – Стараюсь не смотреть на еду, если это вообще позволительно так назвать.

– Я? – Выловив еще дюжину пельменей, Петухов берет чайник и заливает содержимое своей тарелки бульоном. – Так я в этой комнате третий год живу. До тебя здесь Косолапый спал,

с математического. Парень он крупный был, вот кровать и наджабилась. Этим летом Стасян диплом защитил и свалил, а на его место тебя заселили.

– Ясно. – Разочарованно тру лоб: получается, Мишаня ни черта обо мне не знает и не сможет развеять туман в голове, а жаль.

– Да ты садись. – Петухов выдвигает стул, а сам, схватив тарелку и алюминиевую ложку, наваливается пятой точкой на подоконник и начинает со зверским аппетитом уминать пельмени.

– Ты прости, что я тебя принял за этого... ну...

Вступать в новую жизнь с обидами не хочу, да и чувствую себя неуютно. Беспорядок, пыль, пельменная вонь – хаос вокруг не по-детски напрягает.

– Да пучком все! – чавкает Петухов. – Я ж понимаю, что ты малость не в себе.

– В точку! – обреченно ухмыляюсь. – «Не в себе» – верно сказано. Ощущение, что все это дурной сон. Забавно даже: я наизусть помню Конституцию, но понятия не имею, что делаю здесь, в этой общаге, как вообще дошел до жизни такой, что поступил на филфак.

– О, Сокол! – Мишаня чуть не давится пельменем. – Запоздалое прозрение? Я, честно говоря, тоже не въезжаю, как тебя на филфак занесло. Там же одни девчонки да ботаники-очкирики с прыщавыми мордами, а ты вроде вполне себе ничего.

– Загадка, – усмехаюсь, потирая подбородок.

– Не переживай, все наладится. – Петухов брякает пустой тарелкой и, пуская слюни, смотрит на мою, все еще доверху набитую пельменями. – Ты, Илюх, ешь давай, пока не остыло.

– Я не голоден. – Под предательское урчание в желудке отодвигаю от себя неудавшееся блюдо дня и решаю сменить тему: – А что ты там про Румянцеву говорил?

– В каком смысле?

– Ну, мол, она не для таких, как мы...

– А, это! – Рыжик переливает остатки бульона из чайника в тарелку и залпом ее опустошает. – Не бери в голову.

– И все же...

– Просто шансов у тебя нет, хоть и рожа смазливая.

– Это еще почему? – Внутри разгорается чисто спортивный интерес.

– Ты, может, и нормальный пацан. – Явно не наевшись, Миша гипнотизирует голодным взглядом мою порцию пельменей. – Но, если на Румянцеву плотоядно смотреть не перестанешь, Царев все нормальности твои отобьет.

– Какой еще Царев? – будто случайно подталкиваю свою тарелку к Мише.

– Местный мажорчик с моего курса. – Петухов облизывается и все же решается спросить: – Точно не будешь?

– Не буду! – С превеликой радостью отдаю обед соседу. – Расскажи мне об этом Цареве.

– Да что там рассказывать? – Рыжий с тарелкой в руках возвращается к окну. – Обычный папенькин сынок, разучившийся считать деньги. Надо Артурчику квартиру в центре – папа подгоняет. Хочет мальчонка новый седан – отец не думая дарит. Прогулы ему сходят с рук, девки липнут, как мухи на варенье, ну а набедокурит – сухой из воды всегда выходит.

– А Аня?

– Что «Аня»?

– Она вроде не такая.

– Ну да, все они не такие, – усмехается сосед.

– Полагаешь, она с Царевым ради денег?

– В душу я к ней не заглядывал, не знаю. Может, и любит Артура. Они вроде с первого курса вместе. В любом случае ты, Сокол, в полете. Нищий общажный первокурсник с проблемами в голове против упакованного, перспективного Царева – заведомо проигрышное дело.

– Понятно. – Как зеленый юнец, отвожу взгляд. Хотя я есть зеленый, да и до Румянцевой мне дела особого нет: чувствую, что сердце давно занято другой, которую, увы, не помню. – Слушай, Миш, а где здесь душ можно принять?

– Из комнаты выходишь и налево. Душевая рядом с кухней. – Петухов озадаченно смотрит на меня. – А ты не сейчас ли туда собрался?

– Да, а что? – уверенно отрезаю и встаю из-за стола. – Запах этот больничный с ума сводит, да и одежду Аня выбрала маломерную какую-то. Все тянет.

– Слушай, и правда, ты на больничных харчах возмужал, что ли, – елозит по мне взглядом Петухов. – Это тебе не шустрики раз в день лопать, да?

– Шустрики? – Меня корежит от дебильного слова.

– Ну, там, лапша всякая, – поясняет Петухов, – которую кипятком залил, и готово. Или пельмени эти из соевого белка. В больнице небось первое, второе и десерт?

– Да тоже не фонтан. – Размяв шею, подхожу к шкафу. – Мои вещи здесь?

– Ага, – кивает с набитым ртом сосед. – Твои три полки снизу, мои верхние.

– Негусто.

На нижней замечаю стопку постельного белья, чуть выше – пару полотенец, а на самой верхней – еще одни джинсы, кучку нижнего белья и вязаный свитер морковного цвета. Пожалуй, мои ненавистные кеды – лучшее из всего гардероба.

– Негусто, – соглашается Миша. – Слушай, Сокол, ты бы с душем обождал немного.

– Почему?

Впрочем, какая разница, если даже переодеться не во что. Отрепленно плюхаюсь на продавленную неким Стасом кровать и, прикрыв глаза, стараюсь не обращать внимания на предсмертный скрип матраса.

– Горячую воду дают по расписанию, – сетует Петухов. – Экономия! А под холодной, сам понимаешь, долго не помоешься. Хотя...

– Что?

– Если невтерпеж, возьми на кухне тазик. Он там как раз для таких случаев.

– Стоп. – Распахнув глаза, вскидываю руки. – Какой еще тазик?

– Желтый, эмалированный. Наберешь в него воды, на газу подогреешь – и вуаля! Это, конечно, не джакузи, но освежиться хватит.

– Я, пожалуй, до вечера потерплю. – Бьюсь затылком о стену. Соседи, тазики, пельмени – да когда это все закончится?!

– Вот и правильно! – горланит Миша и падает на многострадальный матрас рядом со мной. – Вечером нормально помоешься, а пока пошли в двести вторую, чайком угостимся, может, даже с пряниками. Нинель нынче именинница!

Не успеваю оглянуться, как уже тащусь по серому коридору за Петуховым. Мне не столько хочется чая или знакомства с некой Нинелью, сколько просто отвлечься, перестать думать, хотя бы на мгновение снова обо всем забыть.

– Сокол, – бросает на ходу Миша. – Нинка девчонка добрая, но обидчивая. Ты с ней поосторожнее, ладно?

– Нинка?

– Нинель, она же Нина Комарова.

– Твоя девушка?

– Упаси бог! – в шутку крестится Петухов, остановившись у потертой двери с покосившимся номером 202. – Сам все увидишь.

– Слушай, Миша, а это нормально, что мы с пустыми руками? У девчонки дняха как-никак.

– Я не с пустыми, – подмигивая, гогочет Петухов и без стука врывается в чужую комнату. – Нинель, с днем рождения! А я к тебе с подарком. Смотри, кого привел!

Рыжик театрально указывает на меня пальцем.

– Если это шутка, то неудачная! – шиплю, на автомате все же заваливаясь в комнату.

– Ладно тебе! – толкает меня плечом Петухов, как закадычного друга, а затем отходит в сторону, являя моему взору именинницу.

– Нинель, – не теряясь, тянет девушка... или не девушка... короче, я не знаю. Но единственное, чего хочу сейчас – это бежать со всех ног. Прямо передо мной то ли на стуле, то ли на табуретке сидит нечто с тройным подбородком и стрижкой, как у меня, и что-то монотонно пережевывает.

– А это Илья, – отвечает за меня Петухов.

– Немой? – басит чудище в ядрено-розовой футболке и леопардовых бриджах.

– Скромный! – находится с ответом Миша.

– Все, как я люблю! Чаю хотите, мальчики?

Медленно, со скоростью дохлой улитки, Нина начинает подниматься, а я только сейчас замечаю в ее руках ноутбук, который все это время удачно маскировался под очередную складку на животе хозяйки.

– Да! Нет! – одновременно голосим с Петуховым. Придурку весело! Ну конечно, не он принесен в жертву сумасшедшей толстухе.

– Тогда располагайтесь, – игриво шепчет Комарова и, как заправская обольстительница, закусывает нижнюю губу. Боже, какое счастье, что в моем желудке пусто!

– Расслабься, Сокол. – Миша подталкивает меня к аккуратно заправленной кровати. – Чаю попьем и уйдем.

– Что-то мне уже не хочется, – морщусь, наблюдая, как неуклюже передвигается по комнате Нинель.

– Зря ты, Илюх, нос воротить, – откровенно издевается надо мной Рыжик, находя что-то смешное в этой ситуации. – Присмотрись!

– Да пошел ты! – отмахиваюсь от него, твердо намереваясь уйти.

– Куда это мой подарочек собрался? – Комарова перекрывает единственный путь к отступлению широкой и до ужаса объемной грудью. – Я еще не успела тобой насладиться, мой пупсик!

– Петухов меня заменит, – плачу Мишане той же монетой.

– Так не пойдет, – грозит пухлым пальчиком Нинель. – Я рыжих не люблю, а ты милый.

Комарова проводит ноготком по моей футболке в районе груди, медленно, но весьма ощутимо. Уверен, она находит этот жест интимным и интригующим, однако мурашки по моей коже разбегаются сейчас скорее от страха, чем от желания.

– Такой напряженный, – шепчет Нина, влажным дыханием касаясь моей шеи. Брр! – Ну ничего, я помогу тебе расслабиться!

– Н-не н-надо, – умоляюще выдыхаю. Черт, как же не хочется прослыть хамом, но и терпеть домогательства малознакомой пышки тяжело!

– Новенький? – На мгновение потеряв ко мне интерес, Комарова оборачивается к Мише. – Почему я его раньше не видела?

– Ага. – Вечно голодный Рыжик уже стащил пряник и жадно сунул его в рот. – С филфака.

– М-м-м, – томно мычит Нинель. – Забираю мальчика себе.

– Что значит «забираю»? – Я не оставляю попыток вежливо протиснуться мимо хозяйки комнаты и незаметно испариться. Хрен с ним, с чаем! Но мимо Комаровой даже муха не пролетит, куда уж гордой птице соколу!

– А что? Не хочешь под мое крылышко? – нараспев предлагает себя Нинель.

– Соглашайся, Сокол, – насмешливо пыхтит Миша, поглощая пряники. – С Нинель всегда будешь сыт, одет и счастлив.

– И раздавлен, – бурчу под нос.

– Раздавлен? Мной? – хмурится Комарова, будто не догадывается, что отнюдь не балерина.

– Прости, – снова порываюсь уйти. – Мне пора.

– Стоять! – приказывает дама и придерживает меня за плечо, ясно давая понять, что не шутит. – Я всегда получаю то, что хочу. И сейчас я хочу тебя, красавчик.

Задыхаюсь от близости безобразно огромного тела и приторного запаха дешевых духов Комаровой. В поисках спасения кручу головой, но все, что вижу – это сытую улыбку соседа. Вот урод!

– Дай пройти! – Веду плечом и с силой отталкиваю от себя местную Мата Хари. – Ты не в моем вкусе!

– Пожалеешь, Илюша! – язвительно цедит в спину Нинель, но на сей раз позволяет бежать.

Как ошпаренный выскакиваю из комнаты номер 202 и под смешки местных несусь к себе.

– Зря ты так с Нинкой. – Спустя пару часов в комнату возвращается Мишаня. – Она девушка злопамятная.

– Плевать!

Разговаривать об озабоченной Нинели – тратить впустую время, а я все еще мечтаю о душе.

– Проверь лучше, свое ли я взял, – киваю на аккуратную стопку мыльно-рыльных принадлежностей.

– Вроде да. – Бегло осмотрев мои пожитки, Петухов разваливается в своей кровати. – И все же, Илюх, будь осторожен: Нинель – внучка нашей комендантши.

– А сразу сказать? – раздражаюсь на пустом месте и, схватив шампунь и бритву, перекидываю полотенце через плечо.

– Я намекал.

– Хреново намекал! – Отворачиваюсь от рыжей морды и несусь в душ.

– Виноват, – доносится мне в спину, но я делаю вид, что не слышу.

Душевую нахожу по мокрым следам на полу и непрерывному журчанию воды. Внутри ничего необычного: ряд белых умывальников, кафель на стенах, чуть поодаль – отдельные раздевалки для мальчиков и девочек, душевые кабинки, разделенные между собой тонкими перегородками, и чужие голые задницы, спешащие насладиться горячей водой. Общественная баня, не иначе! Интересно, к такому вообще реально привыкнуть?

Чтобы не толпиться среди намыленных тел, решаю еще немного подождать и возвращаюсь к душевой в районе десяти вечера, все это время бесцельно шатаюсь по гудящим коридорам общежития.

На мое счастье, ряды желающих освежиться резко поредели, а в мужском отделении и вовсе никого не осталось. Довольный своей находчивостью, резво раздеваюсь и, повесив одежду на крючок, спешу в душевую кабинку.

Пожалуй, вот оно, счастье: теплая вода струится по коже, больничный аромат сменяется терпкой отдушкой мужского шампуня, глаза закрыты, а в мыслях наконец покой и умиротворение. Неспешно, наслаждаясь каждым мгновением, наношу на тело гель для душа и тщательно массирую голову кончиками пальцев, взбивая на волосах воздушную пену, но вдруг вместо живительной влаги из труб начинает доноситься утробное рычание, и душ, несколько раз дернувшись напоследок, засыпает вечным сном.

Отгоняя панику, на ощупь кручу краны, но воды как не было, так и нет. Мыльными руками пытаюсь протереть глаза, но выходит только хуже: к бешеной тревоге добавляется жгучая резь и временная слепота. Самое поганое, что в мужском отделении я совершенно один, даже попросить полотенце не у кого.

Глубоко дышу, медленно, по стенке продвигаюсь в сторону раздевалки, но даже не уверен, что иду в нужном направлении. А когда натыкаюсь на очередную перегородку, отчаянно вою: да провались оно все!

– Эй, есть здесь кто-нибудь? – истошно ору, сходя с ума от разъедающей глаза боли. – Ау!

Заслышав вдалеке шаги, забываю, что голый, и снова кричу:

– Помогите! Пожалуйста!

В ответ улавливаю лишь глухое покашливание, но не теряю надежды, вовремя вспомнив о тазике на кухне.

– Прошу, принесите с кухни воды! Можно холодной. Любой!

– Ладно, – доносится смутно знакомый голос, вот только кому он принадлежит, я понимаю слишком поздно.

Что-то холодное и вонючее окатывает меня с головы до ног спустя пару минут, а рядом на кафельный пол с грохотом приземляется тот самый эмалированный тазик.

– Мы в расчете, пупсик, – заливается Нинель и, пока нечто тягучее, напоминающее протухший гороховый суп медленно струится по намыленной коже, уходит.

– Сука! – рву горло и через силу продираю глаза. Подобно зомби, плетусь к раздевалке. Спотыкаюсь, шатаюсь, толком ни черта не вижу и даже не удивляюсь, когда не нахожу на крючке своей одежды. Долбанный Винни-Пух!

Голый, под срабатывающие вспышки мобильных и истеричный смех собравшихся зевак, задрав нос, я плетусь в комнату. И пока Петухов ошарашенно пялится, хватаю его смартфон, небрежно брошенный на столе.

– Мне нужно позвонить! Срочно!

– З-з-в-вони, конечно! – заикается Миша, но, тут же сообразив, подскакивает к шкафу и достает полотенце. – Прикройся, Сокол, а?

Вытираю лицо и руки и, продолжая пребывать в костюме Аполлона, звоню по единственному номеру, отпечатавшемуся в голове.

– Алло, Аня? Это Илья. Ты мне нужна прямо сейчас!

Глава 7. Далекие звезды

Аня

За окном иномарки уже минут двадцать мелькают яркие огни ночного города. По левую руку, степенно развалившись в кресле водителя, сидит Артур. Я рядом. Плавню, как огромный лайнер по морским просторам, автомобиль Царева плывет по пустому проспекту в сторону моего дома. Нежный голос Тейлор Свифт наполняет салон осязаемой романтикой, а огромный букет белых роз на коленях, подаренный Артуром просто так, пьянящим ароматом кружит голову. Царев постарался на славу, оставляя мне все меньше и меньше причин для отказа. Чертовое колесо, сладкая вата, ужин в итальянском ресторанчике и цветы – Артур точно знает, как растопить девичье сердце.

– Когда ты ко мне переедешь, – в такт песне он постукивает указательным пальцем по рулю, – нам не придется колесить через весь город.

– Если.

Задумчиво смотрю, как на внушительной скорости мы пролетаем мимо кустов шиповника, аккуратно обрамляющих опустевшие тротуары, и буквально на миг вспоминаю о Соколове. Интересно, как он там?

– Что «если», Анька?

– А? – оборачиваюсь на голос. – Что ты спросил?

– И о чем ты так старательно думаешь? – интересуется Артур, на мгновение столкнувшись со мной взглядом. Впрочем, знать об Илье ему не обязательно, правда? – Ты сказала «если».

– Не когда перееду, а если, – пожимаю плечами я, утопая в чарующем аромате роз.

– Хм... Мне казалось, мы обо всем договорились. Разве нет?

Царев нервно потирает нос, а я кусаю губы, никак не решаясь произнести «нет». Обычное слово, всего три буквы, но как же неловко отказывать Артуру именно сейчас! Черт меня дернул с этим «если»! Испортить такой чудесный вечер одним махом – верх идиотизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.